

Вместо эпитафий

Неизвестно что

Вышло из воды,

Встало на КРАЮ...

Танцы Минус

Вышел из тени вновь

Мой враг – моя любовь...

Брошу мечту свою

И об пол разобью,

Как сломал ты мою долю

И оставил на КРАЮ...

А. Приходько

Саундтрек

Нас называют близнецы,

Мы не друзья,

Мы влюблены...

Snezhno

В послеобеденный час в кафе с западной музыкой, совершенно не по-джентельменски развалясь на скамейке и накручивая на дужку массивного ключа прядь всклокоченных ниспадающих волос, вороной красавец бороздил свирепым взглядом ближайшее пространство и с интеллектуальным подходом ворошил в голове искусственно усложненную мысль о том, как он здесь оказался. Своей надуманной важностью мысль явно выигрывала в ненужности, и брюнет внешне чрезвычайно маялся. Шумная управляющая «Старого замка» ходила между столами и распугивала зачитавшихся первокурсников. Со смутным беспокойством она поглядывала в разъем между двумя дальними окнами и осознавала справедливость своих притязаний, но упрямо делала вид, что смотрит на часы, помещавшиеся точно выше указанного места. Она

наблюдала его уже почти месяц, и даже когда он заваливался в несколько длинноватой грубой кожаной куртке – она лишь наблюдала... Он запомнился сразу, цеплял и притягивал, а потом отталкивал и порождал всякие мысли, в основном вертевшиеся вокруг того, что и его в данный момент занимало: как же он здесь оказался? На это честная женщина не находила ответа и склонна была ожидать с его стороны чего-то вроде кражи со взломом, но он исчезал прежде, чем она успевала представить все те яркие поступки, которые он мог бы предпринять, и оставшись наедине с собой, она понимала, что фантазирует, наполняет чрезвычайным содержанием чрезвычайную картинку и уверялась в крайней ограниченности этого портрета. Было ли что-то по ту сторону однообразно маячащих глаз кроме явного напускного безразличия и глухости к окружающему миру, кроме всей той загорней дури, благодаря которой совершенные маргиналы мнят из себя буквально совершенных – было весьма сомнительно для нее, сдергивающей с себя ощущение нереализованной власти вместе с нахлынувшим очарованием. Но бесконечное харизматичное обаяние тянуло на него взгляды женщин разных лет, пробуждая в них неудовлетворенность, раздражение и досаду на то, что берутся же откуда-то ненужные по сути мужчины неземной красоты...

Между тем, бесчувственный вороной красавец пребывал сегодня в явном ударе: на лицо синими тенями ложилось отражение темно-голубых расклешенных джинсов, хлеставшее из непроницаемых темных глаз, резко очерченных по контуру века черной линией туши; рубашка, еще на один тон синее брюк, отливающая отдаленным сизым цветом, пестрела бесчисленными изображениями джинсовых швов и заклепок; из-под одного широкого манжета гремели друг о друга развешанные по запястью несколько цветных шариков, соединенных цепочкой, и половинка плоского сердечка из потемневшего металла; на каждой руке по два пальца были окольцованы. По поясу шел сложнокрестовый узор бахромы, скользящей по ногам почти до правого колена, с левого же бока вся она, стянутая в узел, сплошным жгутом свисала с бедра. Красный пиджак из лаковой кожи лежал рядом на скамейке. стакан был допит уже как одиннадцатую минуту, шоколадные капли стекали на дно.

Были в памяти заведения дни, когда он являлся, наглухо зашитый в матовую кожу, без косметики, с перевязанными сзади волосами, с пустыми руками, с покрасневшими глазами... Он усаживался в тот же дальний угол и заказывал полный завтрак. Почему-то это случалось в субботу и иногда в воскресенье с утра.

Сейчас шел пятый час будничного четверга. Вороной красавец вздрогнул от обожаемых им слов песни «I miss you» и стянул свой верхний наряд с пачки книг с яркими заголовками тем из области теории коммуникации. Глупая мысль была исчерпана. Занятие по философии науки в аудитории с евроремонтом отменили. Кафедра была заперта. Работа в каталогах с 15 до 16 часов принесла великолепные плоды. В половине шестого аспирант гуманитарного факультета по прозвищу Немеркнуший появился на теплом крыльце Харьковского государственного университета, и через несколько минут легкий Opel с низкой посадкой и блестящими значками выехал со двора. Его машина всегда сверкала чистотой, так же как и начищенные остроконечные носки его обуви.

Он ехал полями некоторое время, мимо длинного раскопанного котлована, над которым носилась ржавая пыль, мимо остановок с покосившимися под углом 45 градусов беседок, перед которыми никто не останавливался... Впереди двигалось лиловое муниципальное авто, которое не хотелось обгонять. Когда-то он ежедневно совершал поездку по городской траектории этого маршрутного номера до своего высшего учебного заведения – и теперь с жадностью следуя за растворяющейся в клубах собственного дыма транспортной каравеллой, протаскивал в воспоминаниях свое усредненное утро на полчаса назад, когда его самого в автобусе еще не было. И потом бешено обошел собственное воспоминание, остановившееся перед поселком «Элитный», и, улетаая от одиноко возвышающихся в стороне крупных строений, скрывающих в полукруге своих стен крышу торгового центра, отсчитал несколько километров до города, проскочил дорожную табличку с яркой диагональной полосой поверх надписи и попал в хвост медленно продвигающейся у шлагбаума колонны машин. Остановка была в нескольких метрах, но до нее он не доехал, а свернул на квартальную дорогу перед самым первым кирпичным домом, от перенаселенности почти вылезшим на проезжую часть. Слева проплыл добрый десяток сказочных домиков с архитектурной кирпичной резьбой; следующий поворот обозначился возле первозданного в этом микрорайоне дворца, построенного в начале 90-х годов. На его задворках вороной красавец поставил машину на край дороги. Впереди был тупик: угол обыкновенного унылого дома с прилежащим к нему газоном выступал с левой стороны, а двигаться надо было как раз налево. Немеркнуший отправился пешком; он медленно вышел к фасаду и побрел вдоль подъездов... Перед противоположным торцом этого дома раскинулся

во всю ширь другой – такой же унылый и обыкновенный. Окна первого подъезда смотрели Немеркнушему прямо в глаза... Он застыл здесь. Ветер развевал бахромистую тесьму на джинсах, разбрасывал по плечам неприбранные космы цвета вороного крыла, покрытые до половины длины гелем с эффектов мокрых волос. У ног закружило листьями, пылью, пошевелило шнурки на ботинках... Слишком сильный ветер стукнулся Немеркнушему в грудь. Здесь все еще летала беда, но она очень старалась и дышала на него свежими духами, приподняла занавеску на первом этаже, так что стала видна даже боковая панель холодильника. С этого места больше не нужно было подробностей. Он развернулся на каблуках, подбитых железными набойками и, гулко звуча по тротуарной плитке, быстро пошел назад к машине, бросил себя на переднее сиденье и завел мотор с сосредоточенным лицом.

- Зачем это я здесь... - спросила мысль, которая, видимо, по каждому поводу это любила повторять. В боковое стекло влезло при развороте изображение средней школы, выглянувшей с ближайшего, еще недостроенного пустыря; Немеркнувший посмотрел сквозь нее тусклыми глазами и выбрался, наконец, на свою заветную остановку, которую тут же сердито проехал. Он все глубже и глубже погружался в оживленную часть города; остался позади и оконченный вуз – Немеркнувший даже и не взглянул на него... Опять не доезжая до некоей на этот раз центральной остановки, он свернул в сторону возле красного небоскреба в форме свечи, который вылезал на дорогу, словно задыхаясь от тесноты; снова замелькали по левому борту резные трех – и четырехэтажки. Он повернул у крайнего дворца, как две капли воды похожего на тот, с заднего двора которого он непонятно бежал. На этот раз он не ошибся и спокойно вылез из машины, не оглядываясь по сторонам. Домик глядел на круговые дорожки открытого стадиона. На месте тупиковой унылой жилплощади аккуратно строили спортивный комплекс. Немеркнувший нажал кнопку автоматически разъезжающихся ворот подземного гаража...

.....
.....

... Зеленый забор детского сада давно потонул в природной зелени. Тучи неслись стремительно, мелькало голубое небо между ними; и хотелось остановить каждую, вмещаться в их движение и ловить, ловить лето каждым вздохом! И он жадно дышал прохладным воздухом и надышаться не мог;

страсть никак не оставалась и проходила, а чувства требовали все новой страсти, которая клоками набиралась из летящего августовского ветра и терзалась от тоски по прошедшим трем месяцам... Четверть нового – тринадцатого! – года жизни была сожжена. Паша резко подняла голову от травы; почти одновременно в глубине квартиры гулко прозвучал телефонный звонок. Он представил, как мама сейчас возьмет трубку... Кто бы это мог быть?

- Да... - в открытую форточку все было прекрасно слышно. – Мальчик, ты приехал! Конечно, он дома... Только во дворе, гуляет с черепахой... Перезвонишь... Хорошо, я не буду ему говорить...

Он рассеянно провел рукой по роговым клеткам панциря, вздохнул и потащил животное домой. Интересно, как это мама сейчас начнет ему врать?

И сразу с порога он заявил, не глядя ей в глаза:

- Он приехал. Мне было все слышно...

- Ну вот! – воскликнула она. – Тогда ты не говори ему, что все знал. Он ведь хочет сделать тебе сюрприз!.. <...>

... Кухня была тем местом, которое он драил с особой тщательностью, залезая под столы, раздвигая табуреты и покрывая кафельные стены тоннами несмываемой чистящей пены. Он начинал расхаживать между залом и огромным гастрономическим пространством, отрываясь от танцующих фигур по MTV на экране встроенного в стену домашнего кинотеатра и возвращаясь к недотертому обеденному столу из модного итальянского гарнитура SCAVOLINI. Разделочная панель, причудливо изгибаясь, следовала от стены на самую середину кухни, отгораживая таким образом половину помещения под столовую. Даже расцветка пола рабочей зоны резко отличалась от обеденной. Вся мебель и утварь были зеленого цвета – все от пластиковых стаканов для сока и высоких сидений до поверхности жарочного шкафа и стеновых панелей. И пахло от этого цвета детством, шумным семейством, но пир он устраивал всегда в одиночку, теряясь по утрам где-нибудь у окна со спагетти и кетчупом.

В зале было практично и строго, как в рекреации офисного центра: огромный диван из красной кожи и телевизор на полстены. От обилия пустого пространства часто позванивало внутри к танцам, но каждый раз

хладнокровно давил Немеркнувший старую память своего тела и продолжал мерить квартиру неспортивными шагами, бесконечно затирая шваброй свои грязные следы со светлого линолеума в коридоре...

.....
.....

... Час спустя Трой уже вошел в подъезд и забарабанил в новую металлическую дверь, обитую рейкой, отчего она, неплотно примыкающая к стене, загремела засовом.

- Да, - сказал он оценивающе, - а я еще мудрствовал, как это вы при двойной двери продолжаете жить без звонка.

- Когда она вот так трясется, всякий раз кажется, что ее пытаются высадить, - ответил Артем, отступая на шаг и пряча глаза. И вдруг со злобной кривой улыбкой, несвойственной самому себе, указал направление в маленькую комнату:

- Проходи, смотри... Теперь у меня есть свой угол...

Они застыли на пороге, впервые продолжительно глядя друг на друга.

- Умерла прабабушка? – тихо спросил Трой.

- Да, тяжело и безобразно. Я один тут был... С ней. Зашел, чтобы новые часы взять и показать отцу... И видел последний вздох... Это хрип был...

На том месте у стены, где раньше стояла пружинная кровать со стальными решетчатыми спинками, теперь красовалась низкая тахта из зала.

- Они мне ее переставили, а туда отец купил какую-то противную мягкую мебель. Какую-то полосатую – в глазах рябит. И диван раскладывается пружинным блоком, из него бесконечно лохмотья и тряпки торчат... Мне мама обещала детский диванчик купить, а я здесь все равно спать не буду, никогда в жизни! Все равно буду в спальне!

Он выпалил эту речь, отдышался и залез в дальний угол тахты; Трой присел рядом и, водрузив на колени большого плюшевого льва, принялся терзать его за лапы. Артем уставился на это дело и промолчал, хотя весь месяц игрушку пальцем не тронул, а только расческой равнял гриву.

- Я раньше все думал, как бы это здорово было, если б сюда новую мебель и стеллаж для книг вместо бабушкиного шкафа – а теперь вот на душе постыло так... Пока она в коме лежала, я у мамы каждый вечер спрашивал, умрет ли она – и мама голову опускала и говорила «да». И теперь я знаю, что так оно бывает со смертными – и со всеми нами так будет: вот с этим хрипом и... обезвоживанием организма!

- А это что? – осторожно спросил Трой.

- Это когда лужа на полу. Я стою перед ней, слышу, как дыхание прекращается, а думаю только, почему вода под кроватью. И потом уже, когда тихо стало, я вышел к родителям и сказал, что тут какая-то лужа... И они как подскочат разом... Понимаешь, она ведь несколько недель воды не пила – и вдруг лужа. Я когда понял все, мне так стало гадко, будто очутился я в зловонной яме.

Трой поднял на Артема огромные расширившиеся глаза, блестящие от крупных слез; один переливался карим цветом, другой – зеленым; львиная лапа нелепо задралась вверх.

- Я тогда вспомнил, что Паша странно себя вела: в полдень выскочила к кормушке и сразу назад, даже на солнце не лежала. Она чувствовала! А мы нет. Мы ведь целый месяц готовились – и оказались неготовы вовсе...

- А помнишь, как у Милы мама умерла в 5 классе? Она тогда всю жизнь знала, что это случится и даже в школе смогла чему-то рассмеяться на перемене. Даже не знаю, зачем так притворяться, я бы точно смеяться не стал...

- А нам даже и плакать было некогда. Мы вообще не знали, что дальше делать. Сразу заперли квартиру и поехали к папиным родителям. Уже темнело, помню, был девятый час. По улице соседские дети носились, наверняка, они думали, куда это я с обоими родителями отправился. А я даже не взглянул на них – такого серьезного и торжественного из себя строил... Мы часов в десять вернулись домой, бабушку и деда с собой привезли. Сразу столько народу стало: соседи пришли. Мама сразу же закрылась со мной в спальне, потому что ее не допустили тело обмывать. Она мне стала, как маленькому, рубашку расстегивать и все твердила: «Мы с тобой сейчас уснем и будем до самого утра спать».

Вторая львиная лапа, неловко переломившись, застыла вертикально. Трой угрюмо смотрел перед собой. Маленький мальчишка в белых шелестящих брючках и безрукавке с капюшоном и модным драконом в позе из американских блокбастеров на груди, кажется, немного вырос за год, но на фоне долговязого и костлявого Артема так и остался мелким и по-детски нежно сложенным.

- Только сон не шел ко мне. Мне белая ваза на верхней полке напоминала прабабушкин платок. Я вознамерился выйти, а мама переполошилась: «Что ты? Куда ты?» А я говорю, что мне нужно в туалет. Выхожу – и стою между кухней и маленькой комнатой напротив туалета, шагу не могу сделать ни вперед, ни назад... Тут я и разревелся... Бабушка у плиты стояла; они с соседками пекли что-то, кутью готовили... Говорит: «Ты почему плачешь? Живот заболел?» А я говорю, что мне прабабушку жалко... Она меня обняла так крепко и назвала умницей, наверное, рада была, что у меня сердце есть...

Небо затянуло. В комнате стало полумрачно и даже холодно; на душе у обоих сделалось полуобморочно. И тут Трой обратил внимание на толстые некрашенные решетки... и даже кивнул на них головой.

- К нам лезли, - ответил Артем бесцветно, с упорством втапывая суставы ног в мягкое сиденье, - ночью на кухне засунули металлическую трубу, сдвинули ей чайник и включили плиту... Мама на следующий же день заказала и дверь, и решетки. И теперь я боюсь пожара еще больше, потому что если он начнется, мы уже не сможем выбраться в окно...

- Отчего же ты говоришь о пожаре, как о решенном деле?!

- А потому что ту трубу можно просунуть и между прутьями решетки и включить плиту, а мы можем не проснуться другой раз от звона стекла...

- О! – воскликнул Трой задорно. – Неужели ты проснулся от шума?!

Артем покраснел и признался:

- Да нет... Я не проснулся. Или, по крайней мере, я проснулся последним...

- А мы тоже будем жить с решетками, - сказал вдруг Трой.

- На третьем этаже?!

Тут лохматая голова со спускающимися на шею пушистыми прядями иссиня-черных волос повернула свое лицо навстречу исчезающему свету, в сторону настороженных дружественных глаз:

- Артем... Мы переезжаем... Папа купил новую квартиру.

Он мужественно принял этот новый удар, только дернулся, как от электричества и резко навалился на край тахты, словно намереваясь лезть дальше на стенку.

- В центре?

- Ага...

- Школа будет элитная?

- Да нет, - мягко возразил Трой, - я не хочу менять класс, итак уже живу двойной жизнью... Меня Ворконий будет возить. Папа и машину купил...

- Значит, дела хорошо пошли?

- А брат заработал в этом году на плантациях в ЮАР, и по нашей валюте вышли большие деньги. А потом защитился в аграрном, и мы с ним летали на Сейшелы... во время весенних каникул.

- Значит, Сейшелы?!

Голливудский дракон глянул на Артема и почти подмигнул, намекая, что лучшая жизнь Троя была, видимо, предками похоронена в его крови! Артемова злобность лязгнула в ответ зубами, а островитянин продолжал барабанить в невидимую заслонку оправдательными словами:

- Но мы больше не поедem. Ворконий там на серфинге залетел в мангровые заросли и его зашивали в больнице. А я как бы один остался, и отец по этому поводу кипел, как славный чайник!

Тут Трой рассмеялся и неожиданно цапнул Артема пониже пальцев ближайшей ноги, тот издал икающий звук и выехал по зеленому пледу вперед конечностями на середину. Они уселись напротив друг друга, и на младшего потомка фермеров Данаевых напали «игрушки».

- Чего ты разговариваешь со мной, как с привидением?

- А я, видимо, охотник...

- Так ведь я же тебя поймал!
- Вот ты и неправильно сделал!
- Все равно ты не охотник, ты заблудившийся снайпер...
- Да нет, у меня метод приманки. Я притягиваю одни неприятности...
- И я неприятность?!
- В некотором роде. Если бы меня в собственной жизни было так же мало, как сейчас в твоей, я бы даже сказал, что это смертельный случай!

Трой потянул волынку на звуке «а» и сошел с обсуждения своей личности.

- А что же ты делаешь со всеми ужасами?
- Что же мне делать с ними?
- Раз ты охотник, и ты их поймал... Дальше-то что? Терзать, наверное?
- Ну да! Терзаю. Ты вон терзаешься.
- Почему это я терзаюсь?!
- Потому что ты спросил, чего ради, мол, я говорю с тобой в какой-то аномальнейшей манере...
- Да ты же не рад мне! И я потому спросил.
- А зачем покупать новый дом в другом конце города, если через полгода снова уезжать?
- Да ведь ты не знал еще этого, когда дверь мне открывал... А вообще это для меня папа сделал. Я ведь не буду уже ездить, когда вырасту. И мама сказала, что мне лучше тут устраиваться, чем в Житомире: у нее в университете аспирантура есть, а там что?

И тут охотник за привидениями принялся тереться стриженной головой о загорелые плечи своего друга и бессмысленно вопрошать:

- И ты перестанешь, не будешь, ты останешься, да?

И тут друг сморозил страшную глупость:

- Вот когда тебе папа накопит к 18-летию на квартиру, ты будешь выбирать дом в моем районе...

- Господи! – крикнул Артем, взвываясь над постелью, и тут же зашептал горячими, страстными, прямо-таки душераздирающими словами:

- Да мой отец четыре месяца жил на съемной квартире, пока не додумался, что семья ему дорога. Открыл себе Америку! Христофор Колумб! А мама ради него выгнала нормального мужика! А нам Олег и решетки варил, и овощехранилище купил, и мне помогал по геометрии!!

- Так они дрались?!

- Нет, он нас после театров всегда высаживал подальше от дома на массиве, но папа всегда на маму пытался кинуться с кулаками. И я орал тогда постыдному, по-девчоночьи, а он хватал телефон, набирал деда и гавкал в трубку, что жизнь не удалась и сын небитый ревет... И когда на Новый год он нас не отпустил к Олегу, и я вместо стола и спокойствия получил пламенную речь, что слезами вытребываю с отца дорогих рождественских подарков – тогда мама подала на развод и сказала, что его полицией выселят из нашего дома. И вот опять все прахом, и ни до чего я не домечтался, хотя вот только в конце учебного года Олег еще ночевал в соседней комнате! И теперь вот ты меня кормишь, что через 10 лет не будешь ездить на ферму! А может быть, уже в следующем году ты уедешь навсегда!

- Да ну какая ферма! Я же неучем там останусь...

- А вот если ты не поступишь в свой университет?! И ты поедешь в итоге на ферму! А знаешь, почему ты не пройдешь? Потому что ты по две четверти в году учишься на ферме!

И все это, сказанное шепотом, совершенно его придушило. И проглотив еще несколько горьких неконструктивных фраз, он произнес тихо и твердо, оглядывая пространство перед собой влажными глазами:

- Когда я стоял на улице перед гробом, мне казалось, что все это уже не впервые и давно надоело. Мне чудилось, что мое место уже найдено для меня за сотни километров отсюда, и я страшно тупил на мысли: а как же я здесь-то опять оказался??

Трой молчал. Ему было смертельно больно за свои Сейшелы, будто они были во всем виноваты. Однако, стоило им украсть два месяца переписки, как сразу все и случилось в жизни Артема.

В дверях возник жизнерадостный халат цветущей Артемовой мамы.

- А чего вы сидите так тихо? – спросила она бодро. – Не играете? Пойдемте, чаем напою... <...>

... Звонок великого лингвиста Артема Азаренко ожидался с минуты на минуту. Пока Немеркнувший трижды перекраивал лекцию по языку жестов, терзал социологию знаний Малкея и перекладывал с места на место девятый номер «Иностранной литературы» с недочитанным рассказом о туманном ягненке, ему готовили очередную пытку из серии «Что ты узнал о партнере за месяц?» Со звуком радиотелефона было положено залезать в постель и категорически тушить свет; звонить в определенные часы и минуты Артем отказывался и таким образом становился навязчиво ожидаемым.

- Я всегда знал, что ты зарабатываешься, - говорил он нравоучительно.

- Отчего же ты сам продолжаешь трудиться над моим приторможенным тобою сознанием? – возражали ему.

- А можешь ли ты утверждать, что я трудился до того момента, как позвонил тебе?

- Никогда не опускаюсь до того, чтоб проверить тебя по статье разгильдяйства, потому что имею святую веру в обратное...

- А сейчас труд в каком смысле понимаешь?

- В прямом.

- О, это интересно! А переносные какие смыслы знаешь?

- Вот если совершить метонимический перенос с процесса на результат – получим «научный труд» в смысле публикаций. Но для нас с тобой это значение даже очень явно прямое!

- Значит, ты и процессы и результаты теперь как единое считаешь?

- Ну да!

- А мытье посуды ты туда будешь включать?

- Почему бы и нет? Нужное и благородное дело!
- Ага, так значит, ты рассматриваешь «труд» в общем смысле, а не в прямом, потому что прямому тебе нечего противопоставить.
- Ну в общем так в общем! Или меня это позорно клеймит?
- Не клеймит. Просто я понимаю сейчас «труд» конкретно!
- На здоровье.
- Зря ты смеешься. Неуместна тут твоя индифферентность. Из-за разных пониманий «труда» у нас коммуникация не складывается...
- Еще как наоборот! Уже 7 минут драгоценного времени.
- А где тогда он – труд – в смысле «плод»?!
- Видимо, не пришли еще. Хотя не знаю, к чему приходить тут...
- А ты в меня прямо надежду вселил. Надо же, я и не думал, что мы еще НЕ... Зато я знаю, чего мы ищем и могу благодарно тебя просветить!
- И что же мы там потеряли?
- Так вот, нашим плодом должно явиться твое понимание того, что ты задал дурацкий вопрос.
- Какой еще вопрос?! И когда?!
- А насчет того, зачем продолжаю над твоим сознанием трудиться...
- Ах вот что не дает тебе покоя! Да ты успокойся! Это же риторика обыкновенная. И я знаю ответ на этот вопрос: потому что тебе больше нечего делать.
- Отлично сказано. Мне, действительно, больше нечего! Ты плавно перешел в мои координаты. Мы пересеклись.
- Ну а дальше?..
- А поясни мне, или самому себе, или кому угодно – в чем тогда суть понимания моего труда как конкретного...
- Да легко! Ты писал про коды, потом мыл посуду, потом придумывал мне развлекаловку.

- Теперь ты видишь, что ты некорректно спрашивал. Над тобой я не продолжал работать, а начинал... Потому что других дел у меня уже не было.
- Ладно. Я по-другому спрошу: «Зачем ты начал работать, когда я уже отдыхаю?»
- Ай-яй-яй. Да я побью тебя в твоих же воротах!
- Я и не думаю, что тебе удалось бы сделать это в ЧУЖИХ...
- ОК, тогда играю вместе с тобой. Если ты понимаешь труд в общем, почему ты считаешь, что отдыхаешь сейчас? Ты и дышишь, и думаешь, и разговариваешь со мной.
- Ну тогда твое замечание не имеет смысла. По твоей версии, я теперь не могу «заработаться».
- Отлично можешь. Я даю голову на отсечение, что ты над книгами сидел более пяти часов. А я с тобой не разговариваю столько времени. Так кто заработался? Я-то вовремя переключился на другой вид деятельности.
- Да фигня это, Артем! Над книгами ты явно просидел дольше. Ты же с утра начал, а я только с 19 часов. Попался?
- Как будто попавшийся перестает кусаться! Между прочим, ты все равно заработался, потому что потерял меру, ты бы просидел до утра, если б тебя не вытащили. А вот я смог сам переключиться.
- Вот ты и переключился, потому что заработался. А я еще просто не дотянул до своей мерки.
- Нет, дорогуша, неправильно все. Я доработался до точки и бросил. А вот ты заработался! И уже не видел ни точки, ни многоточия, ни того, что час поздний...
- Я категорически против! Заработавшиеся начинают делать уже лишнее, а я не доделал, к твоему сведению.
- В каких масштабах не доделал? На год? На три года? Лекцию на вторник в четверг?
- А ты зачем статью раньше меня написал, если не торопишься?! Короче, ты проспорил...

.....
..... Пока Селена Станиславовна выпрашивала у Троя подробности переезда, Артем сидел за тем же кухонным столом и тоскливо замазывал слой масла на куске хлеба вареньем.

Сначала это была расслабляющая любовь, потом – разжигающая внутренности ненависть ровно с тех пор, как его перекормили (или, может быть, недокормили?) пирожными на днях рождения друзей. Раньше он мог съесть за раз полную розетку варенья, и Селена добросовестно готовила джемы все лето. Из облепихи... Из одуряющей облепихи, которая до слез прошибала сладкой душевной болью, гармонировавшей с постоянными муками совести по поводу болезни матери. Кажется, он отдавал сокрытые биологические силы организма ради раскрытия простора сей, по сути, наркотической свободы, по воле которой подсознательным выбором афродизиака поддерживался комплекс родовой вины. Соответственно, булки явились некоторой альтернативой и тянули за собой шлейф иной, обрамленной и упорядоченной, жизни, поэтому он запросил на тринадцатилетие кулинарную «Лакомку» с изображениями бесчисленных шедевров. И ряды легкомысленных тортов с бессмысленным кремом интуитивно внушали спокойствие и довольство. Или хотя бы печенье – пачка грубого овсяного печенья, или хотя бы кусок чужого сладкого пирога! Но отцовское сознание оказалось гораздо трагичнее: периодически дома стал отсутствовать хлеб и не засчет оптимистичных замен, а ради экономии в воспаленной мысли призрачных незаработанных полей.

- Теперь везде массовое строительство. Нас от бульвара отгородили невиданной громадой... И у вас в классе сразу прибавилось несколько человек.

- Там жуткие подъезды, там жуткие лестничные клетки. Чтобы пройти к пятой на этаже квартире, надо – караул! - завернуть за угол...

- Тетя Селена, а давно он у вас по стройкам лазает?

- Так ведь там живет наша легендарная Анечка Семенова, у которой детский диванчик и две мягкие игрушки на нем – и негде присесть...

- Да, мама... И я пошел с ними, чтобы смотреть, как они репетируют показ одежды под хорошую музыку, и по пути я впервые сматерился, а потом она не нашла ключа. Все банально.

- Зря ты представляешься, сын. Ты ведь даже не знал, что это слово матерное... Если бы кто-то это заметил, ты бы очутился в дурацком наивнейшем свете.

- Зато я оказался крутым парнем, хоть сам того не знал. У меня естественная харизма...

- Как же, сыграл на публику, а в душе остался простаком. Благословил небо за случай и избавился от слова. Естественным путем. Не умеешь ты материться, Артем. Куда лучше стоять выше всех на ровной площадке, покуда остальные жмутся на своих крутых ступеньках... А у тебя, Трой, не завелись еще вредные привычки?

Но у Троя и так все было написано на лице:

- Я никогда даже не задумывался, зачем они мне...

- О! – воскликнул Артем. – Плохо дело, сказала бы мама. В твоём случае они могут появиться без мотивации. Надо, наоборот, думать, зачем они тебе – и понимать, что незачем...

- Ты неправ! Ты, вероятно, свою маму неверно трактуешь. Если все время держать их в голове и думать зачем, однажды найдешь ответ. Лучше не задавать самому себе глупых вопросов! Человек, например, с рождения не курит. Так зачем думать об этом?

- Ты знаешь, Троша, - вмешалась тут Селена Станиславовна, - ведь человек много чего естественного просто начинает делать с возрастом. И кто-то курение считает, не задумываясь, естественным. Мне кажется, что ты как раз однажды крепко подумал и встал на твердую позицию. Тебе нет смысла больше к этому возвращаться. В отличие от людей сомневающихся, которые никак не могут успокоиться. Так что Артем о себе тоже верно говорил...

- Мама!! Да я никогда не искал аргументов в пользу курения! Что ты будешь делать!!

- Зато находил бесконечные аргументы против. А зачем? Сам себе доказываешь? И все время осуждаешь, истеришь, отстаиваешь... Я тебе не раз говорила: где твой покой? Смотри на друга – есть у него принципы, и он вполне счастлив. А вот такие люди, как ты, иногда устают от своей борьбы и делают все наоборот. «За что боролись, на то и напоролись» - знаешь?

- Мне всегда казалась очень смешной эта поговорка, - вставил Трой. – Как будто люди сами не знают, чего хотят.

- А тут может быть еще другой смысл, про трагичность жизни, про то, что делаешь, делаешь и умираешь...

- Ты, сын, в домах коридоров не любишь, а сам в себе все коридорами петляешь и ищешь параллельных миров...

- Мама, это же большая разница! Мои коридоры всегда полны и живописны, а тут сплошная пустота, в квартирах никого нет... Зачем тогда настраивать такие высоченные дома?..

- А маленькая красная пристроечка в четыре этажа тоже стоит пустая. Тебе от этого легче?

- Нет, тот дом я люблю! Трой, ты представляешь, там крыша настоящая, сияющая, а не плоская. И на заборе остроконечники. И подземный гараж.

- Выглядит, конечно, как дворец. У вас в районе, Трой, уже начали такие строить?

- Да. И их могут раскупать для детей, на будущее. Поэтому они пока и стоят пустые...

- Вот интересно, - сказал Артем, - а может один хозяин купить весь этот дом? Ходит он, ходит по этажам, внизу у него одни помещения, вверху другие. И все квартиры у него обставлены под разное...

- Сказочник, - резюмировала мама, - да еще и не оригинальный. Копируешь сюжет о мальчике – владельце «вчерашнего дня», где нет никого, кроме него... и сотен пустых домов.

- Тетя Селена, - сказал Трой, - необыкновенно чистым и звонким детским голосом, стараясь еще и заглушить ее последние слова дребезжанием своего стакана, - а можно, Артем поедет со мной на новую квартиру, пока еще там просторно и можно играть в эхо? Папа сейчас начал мебель возить, он нас заберет и обратно привезет.

- Ой, мам, а правда... можно, я... И я тебе расскажу... <...>

- А дальше «слова», - провозгласил Артем. – Раз ты себя признаешь победителем в диспуте, то

начнем с твоего примера. Вот что ты делал сегодня такого, чего вчера не делал?

- Такое как раз есть. У-бор-ка!

- Отлично. Значит, с меня слово на «а»... О чем я все время мечтаю? И... это не машина!

- Да ладно! Все равно это – «авто». Меня-то не переспоришь!

- Загадывай на «о». Я себя неудачно выдал...

Тут Немеркнущий хитро прищурился в темноту и сформулировал следующее:

- А чем я занимаюсь с момента полового созревания?

Артем захохотал в трубку:

- Возможны два варианта: либо «онанизм», либо «образование». И я больше склоняюсь к последнему, несмотря на все твои каверзы в вопросе. Так бы и спросил: «Что я так упорно преследую с 15 лет?» Ну как, загадывать мне на «е»?

- Давай-давай. Не думаю, что это сильно большой срам – признаться, что не занимаешься онанизмом!

- А вот как ты думаешь, кем я стану, пока у меня не появится любимая девушка?

- Ну... Епископом вряд ли, а то потом и не женишься. Так что однозначно – евнухом!

- Да, брат, будем считать, что девственность свою мы обсудили. Давай на «х». Ума не приложу, что можно загадать на эту букву...

- А первое, что пришло в голову!! Данное слово заложено в фамилии девушки, которую я, первую, ударил в своей жизни.

- И надеюсь – единственную! Помню-помню. Хрусталёва. Хрусталь!

- Поразительная память! Твой ход на букву «л».

- Чего я так и не познал в своей жизни?

- Так и хочется сказать – любви...
- Увы! У тебя еще две попытки.
- А я сдаюсь. Могу надолго задуматься, а это, наверное, не по правилам игры.
- Ты проиграл, друг мой суслик!
- И что там на самом деле?
- Ласка, - произнес Артем проникновенно. – Женская ласка. Любовь-то я испытывал. И без взаимности еще как испытывал! Она меня прямо-таки пытала!!
- А как ни странно, суть-то одна: не было ласки, не было взаимности. А без этого какая любовь? Я сбился на фрейме... Что с меня причитается за проигрыш?
- Совместный завтрак у моего брата в кафе. Воскресенье, 7 утра!

Хм... Помолчали и попрощались...

.....
..... Артем и Трой стояли перед четырехэтажным домом из свежего кирпича с остроконечной сияющей крышей. Забор с башенками не успел запылиться и бросался в глаза резко очерченными цементными швами. Застекленные решетчатые лоджии глядели на мягкие беговые дорожки и высокие трибуны с зияющими кое-где пустотами между скамеек. Стадион был пуст, но в воздухе висел аромат травяных банных настоев. Возле белоснежной стены трибуны напротив приоткрытой внутрь двери стояли два строгих джипа, в одном из них наигрывала музыка. Третий вездеход, принадлежавший Данаевым, разительно отличающийся от обоих бардовым покрытием и почти непроницаемой тонировкой стекол, распространял наработанную бесшумным мотором теплоту. Подкатываясь к Артемовым ногам, она колебала в нем напряженную пружину, готовую вывернуться наружу бестолково фонтанирующими возгласами. Однако он сдерживался и напускал на себя идиотическое глубокомысленное смирение. Он ожил только после того, как тяжелая подъездная дверь закрылась за ними и они очутились в гулкой пустоте тремя ступеньками ниже уровня распахнутой в квартиру двери.

- Я ему расписываю прелести наших новостроек, а он совершенно спокойно проживает в идентичной!

- Переезжаю только...
- Ты меня не предупредил, и это свинство...

Тут в дверном проеме выросла статная фигура с рельефными плечами. Круглые зеленые глаза, придававшие всему лицу известную звездную привлекательность, имевшую корни свои в излишнем сходстве с матерью, насмешливо уставились на Артема.

- О чем тебя не предупредили? Ты споткнулся? Осторожно, ступеньки.
- Да дома одинаковые, - бессильно промычал тот, упрямо встряхивая головой.
- Я эмоцию не понял... Папа! Артему все банально...
- А по-моему, он удивлен, - гулко сказал голос Троя.

Ворконий меж тем трясся от смеха и не отставал:

- Брат, тебе не страшно, что у нас на двоих три одинаковых глаза?!
- Да ты пойми, рядом со школой построили такой же дом... А мы уехали. Наверное, обидно?
- Слышишь, папа, тут говорят: ты сглупил!

Внезапно Ворконий отъехал в сторону и оказался в цепких руках Исае Данаева; они были одинакового роста, но коренастый отец умело вертел старшего сына в промежутке между собой и косяком. Неловко прижатая локтем рулетка полетела на пол.

- А хочешь, я тебя расстрою? Твой шкаф не пролезет в твою комнату. Ну кричи: «Где ж вы, мои холостяцкие этажерки?»
- Я его в зале поставлю... Отпусти меня, батя. Твой пушистый котенок Трошка стоит внизу...
- Да там же целый и нешуточный Трой! Между прочим, гигантская личность! Почти гражданин мифического города! Благословитесь, дети мои, и войдите в эту далекую обитель, ибо остальные дома уже расхватили. И квартиры рядом со школой, видимо, уже принадлежат будущим друзьям Артема...
- Они еще лежат в колыбели. Это Трой так объяснял.

- О! – воскликнул Ворконий. – Тогда это уже не друзья, а невесты! Считай, Артем, тот дом уже в твоём кармане.

Трой подобрался к самому уху и шепнул:

- Все мое – оно уже и твоё...

Отец словно ответил на это, но обращался к Ворконию, сглаживая его шутку:

- Перестань решать за других их судьбы.

- Это Ворконий специально издевается, - зашептал Артем Трой в ответ. – Все же видят, как я по-глупому кусаюсь, и глаза у меня завидушие...

И тут проворные Троевы пальцы коснулись его шеи и скользнули почесывающими движениями за ухо. То ли стало неприятно, то ли он все это в обиду переистолковал, но прежде чем успел сдержаться, уже выпалил отталкивающие фразы:

- Да не трогай ты меня, Трой! У меня начался переходный возраст...

Противно от себя стало сразу же. Он помнил, как классе в третьем они все стояли кучкой вокруг руководителя на переключке; впереди Артема была девочка, чем-то ему очень нравился ее затылок, ему казалось, что он скучал и думал, как удачно они стоят рядом... Вдруг она обернулась и сказала:

- Хватит дышать на меня. Надоел уже!

Сейчас он подстроил ту же гадость. И, не оборачиваясь, шагнул через порог, провожаемый непонятым взглядом Троя. Направо была большая комната, налево – не меньшее пространство с завинченными на концах отростками водопроводных труб.

- А где маленькие комнаты? – искренне удивился Артем.

- Там, - сказал Трой горестно, опуская голову, как виноватый.

- Где это «там»? – начал было Артем и вдруг увидел лестницу; она вела вверх!

- Что это?! – спросил он, медленно поднимая глаза словно за улетающей ракетой; верхние ступеньки угадывались на уровне потолка.

- Второй этаж, - тихо ответил Трой, глядя в противоположную от друга сторону.

- А где же другая квартира?

- Она на третьем этаже начинается.

- А что же на площадке второго этажа? Там есть дверь?

- Нет, Артем, там просто стена.

- Господи, вот это круто! А те, которые выше живут, они говорят «Наш второй этаж» или «Наш четвертый»?

Трой одобрительно кивнул и даже улыбнулся:

- Блестяще!

Артему нравились вторые этажи, они его умиротворяли. И даже будучи птицей невысокого полета из-за боязни высоты, он ловко перемещался по дачной деревянной лестнице и считал это своим достижением. Семи лет от роду они с Троем поедали там овощные и фруктовые салаты, представляя себе, что две ближайшие друг другу ступеньки – это скамейка и стол. Его всегда манило на балконы – стоять над садовым участком или над двором или вести разговоры, сидя прямо на полу и разглядывая узоры балконной решетки – в такие моменты приходило острое понимание того, что нет лишних дел, кроме летних бдений, а он далек от брэнности и подвисает в состоянии пусть и иллюзорно обнадеживающей неопределенности. Быть чуть выше первого этажа означало стать немного не собой и позволить себе мечтать побольше. Он начинал с того, что не понял смысла благоустройства пола на своем первом этаже – для него тогда существовало две поверхности: травяной ковер и дно воздушного шара. Впоследствии первый этаж стал зарешеченной тюрьмой с полумоечной повинностью. При этом окружающие дружно прочили ему блестящую карьеру менеджера по уборке территории, что следовало из его азарта в чистке школьных лестниц.

И вот они стояли вдвоем в тишине и одиночестве... Только Ворконий в соседней комнате перемерял стену для своего, совместного с женой, шкафа. В открытую балконную дверь лился свет, и они в ее проеме, подпирая оба косяка, осознавали глубокую интимность обстановки – между домом и

миром. Бросая взоры вдаль, Артем впадал в состояние, близкое к дежавю, которое он испытал только однажды.

Тогда жилмассив папиных родителей находился еще на другой планете, а добираться домой приходилось по темноте вдвоем с мамой, которая, казалось, не разбирала дороги после очередной ссоры с мужем. Артем бы скорее предпочел отправить отца в долгое путешествие, а самим отоспаться у деда, но на деле все происходило наоборот: именно отцу требовалось утешение близких, а мама в них не нуждалась – хватала ребенка и отправлялась на свою квартиру с тремя пересадками во имя иллюзии порядка в жизни, логического завершения дня и принципа «спать - дома». Однажды они почти бежали от подъезда в сторону призрачной обстановки и вдруг увидели школу – в точно такой он учился и прекрасно знал, что с ее торца уже виден свой дом. Но вот они завернули за угол – а впереди была пустая чернота вперемешку с редкими гаражами... Он испытал настоящий кошмар. И несколько лет после этого никакие другие страхи не могли заглушить этого ужаса...

И теперь снова он не видел своего дома за пределами вроде бы знакомого двора, из окон вроде бы знакомого дома... И даже Трой, даже он стал вдруг одним из этой серии «вроде бы». Да, вроде бы он его ждал. Вроде бы он стоит сейчас рядом, вроде бы он не изменился... Но почему-то не получилось крикнуть лучезарного «Ура!», не получилось обнять; и не прошло еще и дня с момента встречи, а уже во всем сквозит отчуждение – в словах, в манере разговора. «Я отвыкаю, - спрашивал Артем сам себя. – Почему я начал так неконтролируемо отвыкать? Жду и отвыкаю. Зачем тогда жду?» А Трой стоит рядом, не понимает совсем ничего, даже не догадывается, он улыбается, он растворяется в своей улыбке, как довольное маленькое нежное существо – и чутко приподнимает брови, следя за мелькающими тенями в смотрящих на него карих глазах, и все будто спрашивает одними губами: «Что? Что?» И тоже он какой-то робкий, приторможенный – но это, наверное, я его подавляю. И он вроде бы рад, но я смотрю на эту радость как на игрушку, которую он завтра же выбросит. И он какой-то слишком маленький, а я вроде бы взрослый... Это раздражает. И я совсем не понимаю, что меня связывает с Троем, как дружить с ним дальше, кто вообще заставляет меня дружить с ним?! <...>

- Я здесь! Вот она я! Смотри на меня!

Он даже не смог остановиться сразу и медленно отступил еще на две ступеньки, а когда поднял голову, верхняя лестница оказалась визуальнo под углом и между прутьями перил была видна Настя Данаева, она быстро спускалась вниз, размахивая желтым зонтиком. Взгляд его скользил по ней снизу вверх, пока она спускалась: узкие брючки, нежно-розовая ветровка, большие зеленые глаза, сияющие под черным каре...

- Привет!.. Ты пришел за мной? Тебя мама послала?

Она с готовностью ухватила его за руку, даже не нуждаясь в ответах – для нее они были заранее утвердительны, и увлекла его вниз, в широкий вестибюль перед раздевалкой со сломанными замками, набитой разбитой мебелью. Здесь Немеркнуший крепко взял ее за плечи и пытливо заглянул в лицо:

- Настя, я здесь работаю...

Она заблестела еще больше и вдруг захохотала:

- Восторг, я поняла! Ты не ожидал меня увидеть. Я – твое наваждение!

Он развел руками:

- Я ведь не твой отец, чтобы знать, где ты учишься. А удивлен я тому, что Антония тебя так далеко возит...

- Некоторые отцы тоже не знают, - выпалила Настя.

- А некоторые дочери еще слишком маленькие... Кстати, в школьных стенах называй меня Восторком Христофоровичем.

- И почаще на «вы»? Неужели ты будешь теперь делать вид, что меня не знаешь, раз не ведешь у нас уроки?

- А вот и познакомились! Я уже многое о тебе знаю: ты – Настя, твой отец не представляет, где ты учишься, а мама не знает, во сколько тебя встречать...

- Да, - вздохнула Настя, - маму придется ждать... А я думала: мы сейчас с тобой на машине поедem...

Они уселись напротив зеркал, совершенно одинокие, но созерцали свои отражения не без удовлетворения.

- Увы! У меня еще будет литература в пятом классе. Кстати, их прежняя учительница взяла с этого года ваш класс.

- Почему же ты не взял?

- Ну уж нет! Спасибо. Я не могу работать на первом классе – к сожалению, не умею общаться с семилетками.

- О! Все-таки ты не будешь со мной разговаривать... Сегодня все к этому сводится!!

- Буду, Настя! С тобой я и раньше общался.

- А тогда у тебя уже есть опыт работы с маленькими детьми!

- С тобой лично, Настя! А не вообще с детьми. И почему ты решила, что я с тобой работал?

- Потому что мама сказала, что ты должен заменять мне отца, когда нет папы... А папа сказал, что быть отцом – это работа...

- Ой, какой ужас! Твои родители даже перед тобой как на ладони. Они, действительно, друг друга стоят...

- Ага! Вот теперь ты критикуешь старших!

- Помилуй, Настя. Что тебе делать в развивающей школе? Ты уже и так... вполне... ничего себе!

- Куда же мне идти?

- А наверное, в клуб веселых и находчивых...

Тут он представил, как Данаев, родившийся на три недели раньше него, уже, оказывается, ему старший. Хотя, конечно, и собственными их руками, и перстами судьбы всегда планида оборачивалась так, что первый увидевший свет словно присвоил себе какую-то часть энергетического потока и прожил полторы жизни – за себя и немного наперед за другого. «А потом я плелся за ним на веревочке и доживал брошенные мне фрагменты его жизни. И даже Настя – тоже мне подарок через третьи руки...»

Высокая женщина в наглухо закрытом бежевом плаще, заметив их еще с лестницы, приблизилась смущенно и несмело; лицо ее при этом напоминало

непроницаемую строгую маску, и в свои тридцать три года она выглядела на сорок.

- Здравствуй, Восторк...

- Здравствуй, - ответил он ей без особых чувств в голосе. Ее появление уже не было столь удивительным для него. Антония попыталась дотронуться до Насти, но дочь ловко вывернулась и побежала прощаться с какой-то Аленой. Восторк медленно поднялся, не отводя от нее взгляда, не отрывая непристойно-любопытных глаз, будто сравнивая ее внешность с тем, что было раньше. Она отвечала ему безмолвной тоской и усталостью и не выдерживала прямого взгляда, что говорило только о том, что ей тяжело на него смотреть, либо она привыкла видеть совсем иное в его лице.

- Он не писал тебе? – спросила она, предварительно вздохнув.

- Он! – скептически повторил Немеркнуший. – Так говорят о надоевших мужьях.

- Иногда так приходится выражаться и надоевшим женам. Потому что стыдно и мерзко. Почему он не сообщит о своих обстоятельствах? Я бы освободила его...

- Антония! Вот у тебя есть то, что есть, и не думай о Трое больше, чем нужно. Я подозреваю, что он даже не догадывается, что его ящик блокируется. Мои все письма возвращаются назад. А ты спокойно бы занималась собой, не идет тебе это новое страдание, которое ты себе придумала...

- Взрослый стал? Разбираешься?

- А ты тоже считаешь, что Трой вырос раньше, чем я?

- А кто еще так считает? Ты сам? – она переменяла позу, и в ее жестах стало проглядывать упрямое женское желание укусить в ответ.

- Я раньше очень восхищался тобой в детстве, потом в юности стеснялся и боялся... А после двадцати все это уже скучно и не хочется заморачиваться. Теперь я вне комплексов.

Антония безо всякого выражения поискала Настю глазами и, переводя разговор в бытовую плоскость, тем самым небрежно отгородилась от откровений, споров и похороненных фактов.

- Возьмешь ее к себе на воскресенье?

Восторг был совсем не против, но отпустил занудную статистику в ее сторону, никуда не целясь, ничего этим не преследуя:

- Стало быть, тебе - личную жизнь, Троя - свободу, а мне – Настю...И все это тоже входило в ваш причудливый брачный контракт?

Она ответила равнодушно и свысока:

- Мне казалось, ты всегда был рад очутиться на месте Троя. Кроме того, вы с Настей оказались в одной школе. Так что работай, волк-одиночка, ничто не выходит за грани твоих личностных и профессиональных интересов. Или... тебе заплатить?

- Давай, давай, - сказал он мрачно, - как раз, когда тебе деньги понадобятся, мне будет, что отдать без ущерба для себя.

И он удалился в сторону столовой, где и собирался провести свободное время до занятия с пятиклассниками.

.....
..... Свадьба Воркония состоялась в декабре 1990, когда младшему брату шел уже одиннадцатый год. Праздник проводили в одном из центральных ресторанов, недалеко от дома невесты. На регистрации Артем с родителями не был, потому что Селена настояла, чтобы он высидел все уроки. Они подъехали к банкетному залу к двум часам дня, но ждали до полдника, пока молодые прокатятся по всему Харькову. Трой был вместе с ними в машине, поэтому Артем провел пару часов в нехорошем душевном одиночестве, наблюдая, как монотонно выносят блюда и тарелки и время от времени загораясь самодельным английским словариком в целях подготовки к субботнему диктанту. Его терзали любые совместные с обоими родителями праздники. На них не было никакой надежды! Они смахивали на малых детей – они могли разодраться в общественном месте, а вот сын к десяти годам начал стыдиться и их криков, и своих заодно...

Когда стало много народу и все началось, Троя так и не пустили к Артему. Белокурая невеста с выразительными серыми глазами постоянно усаживала его вблизи себя, ставила рядом на всех фотографиях – и он стоял там и только мигал. Артем мало что понял из наряда молодой жены, запомнил только, что Влада Андреевна забрасывала ей монетками подол и что она

пришла в белых сапогах, а потом переобувалась в уголке, опираясь на руку Воркония. И так она странно танцевала, еле двигалась в своем платье, в то время как его мама зажигала танцпол и одета была лучше всех!

А потом они шли по снегу в темноте длинной вереницей. Многие собирались переночевать у невесты, чтобы с утра взяться за домашние пироги. Селена упрямо твердила, что они едут домой, потому что Артему нужно завтра на английский. Она ругала отца за все обидные слова, которые он позволил себе утром, днем и вечером. Артем очень боялся, что отец услышит эти упреки и поддержит диалог. Он пытался отвлечь Селену на какие-то свои заботы – она живо от них отмахивалась; пытался внушить ей, что отец не следил за речью и имел в виду совсем другое, а может быть, даже списывал на жену свою кружившуюся голову...

- Не пори ты чушь! – воскликнула она. – Твой папаша не пьет!

Это, увы, соответствовало действительности. А выпила, к сожалению, мама. Два бокала. Не больше, чем остальные. Даже меньше. Хмельного дядю Колю жена добродушно вела под руку. А трезвый папа почему-то нападал на трезвую маму и называл ее пьяницей, и осуждал ее танцы, и винил ее за улыбки – и все-все это списывал на алкоголь.

А вот папины «сестры» (не папины, а между собой, но к папе какое-то отношение они имели!) пили больше, и у них текла косметика – но папа держал их в объятиях на каких-то захватанных фотографиях, которые потом показывал маме и заверял, что это было шуточное веселье планового отдела. Что он только поддерживал порядок и провожал всех домой, что он самый воздержанный – и у всех только на него и надежда. Но он не пил только потому, что алкоголь не держался в его организме и выходил наружу, а, как известно, добродетель по необходимости не является убежденной и истинной. Мама не верила и таилась, а потом начинала вещать об этом на площадях, на праздниках... И ничего хорошего это не предрекало.

Стало зябко и невыносимо холодно, ухудшилась видимость; Селена оставила его руку и смело пошла вперед. Он случайно обернулся и с ужасом обнаружил, что сзади надвигается отец. Через мгновения всеми уважаемый Христофор Леонидович оттолкнул сына и хищно рванулся на жену, на фоне приближавшегося дома невесты...

Противный грязный снег залетел Артему в рот. Все-таки он кошмарно крикнул – но деваться от стыда и ужаса ниже земли было некуда. И оставалось кричать планомерно и надуманно, распугивая всех вокруг, уничтожая всю сцену и ситуацию, перетягивая центр внимания на себя. Так он кричал и криком заражался, сдвигаясь от здоровья в сторону – при таких родителях себя было не жалко. Его очень быстро подняли и потащили в подъезд. Шапка и варежки слетели с него и болтались на резинках. В квартире он пришел в себя и начал говорить словами. У невесты оказалось очень много комнат, его втолкнули в одну из них, узкую и длинную, как пенал. Вдоль двух стен напротив друг друга стояли две кровати под синими покрывалами, между ними тумбочка – и все.

- Влада Андреевна... Где же моя мама? Нам ведь нужно домой...

- Она устала, Артем. Она ляжет в другой комнате... Ты сможешь сам расстегнуть пуговицы?

- Да... да... я могу, - он принялся лихорадочно сдирать джинсы и рубашку, - пустите же меня к ней... Я, именно я должен лечь с мамой...

- С ней побудут. Не выходи из комнаты, малыш. Сейчас много народу, все пьяные. И нам всем нужно побыстрее заснуть...

Она поспешно вышла, притворив дверь, а он остался стоять на пороге в трусах и майке, зажимая глаза и рыдая бесконечно – кроме чужих стен стыдиться было уже некого. Дом наполнился голосами и хлопаньем комнатных задвижек о косяки. Около его поместиища топтались и разговаривали. Влада Андреевна заглянула еще один раз и прямо в объятия к Артему втолкнула такого же раздетого младшего сына. Они прижались лбом ко лбу, и он приглушенно выл:

- Трой-й-й... Трой-й-й... - до тех пор, пока уже никого и ничего, кроме него, не стало слышно. Тогда он замолчал, закрыл глаза и принялся думать, куда же дели маму, не положили ли ее вместе с отцом и не будет ли он убивать ее ночью, не рассердилась ли мама, что он к ней не пришел, а остался здесь, и разрешила ли она ему пропустить субботний английский...

На кровать его мягко усадил Трой. Синее покрывало сдернули и закопались в белые подушки. Они вполне влезали в одну постель и, соорудив из разных концов одеяла бугристые гнезда, сидели, выставив костлявые

коленки, напротив друг друга. Каждый из них думал про то, как же «он на меня похож».

- Ты спать-то будешь? – спросил Трой. Они впервые оказались одни в чужой спальне – и совершенно непонятным был дальнейший сценарий: засыпать, разговаривать или уже начать кидаться подушками. Поэтому даже расстроенный Артем ответил искреннее «не знаю». Закрывать глаза и лежать будто в полном одиночестве представлялось нелепым, мысли на ум лезли мрачные – то родительские концерты, то Троевы очередные гастроли – и хотя Артем очень любил поворошить все это, сейчас на него медленно ложилось состояние отходняка, при котором следует разучивать равнодушные жесты и искать возможность переключиться. В этом свете напускное веселье представлялось кощунственным: отвлечься и развлечься – разные занятия. Так они посидели, покачались из стороны в сторону – и тут Трой гибкости ради принялся под разными углами крениться в сторону пола, пока не перевалил через край и его голова не очутилась под кроватью. В этом неудобном положении он висел некоторое время, словно был чем-то занят.

- Что там? – не вытерпел Артем.

- Ах, это всего лишь варенье! – ответил Трой снизу тоном довольного человека, который что-то угадал. Он оторвал ноги от постели и удачно приземлился на ковровую дорожку. Он выгреб трехлитровую банку с мутной жидкостью грязно-малинового цвета и водрузил ее на гладко лежащую середину одеяла, ало мерцавшую в разрезе пододеяльника.

- Ты поставил ее прямо как в чей-то разинутый рот, - отметил Артем.

- Похоже, - рассмеялся Трой. – Это страшное чудовище, внутри которого жил дядя с погребом или Карлсон! Стоило бы нам тоже попробовать, пока они все не съели.

- Ты будешь есть?

- А ты не будешь? Я ведь уже накрыл...

- Мне тогда нужен кусок белого хлеба с маслом...

- Но можно закусить ягодами. Ты представь: зима, огород в снегу, дурацкая свадьба с мясными разносолами. И вдруг – засахаренная малина! Детям

положен десерт. А во время сончасы родителей он даже выложен в нужных количествах.

- Что? Неужели всегда ночью сладкого становится больше?

- Оно становится доступно. Ты когда-нибудь лазил самостоятельно в буфет? Там всегда стоит весовая емкость. А сколько тебе подают к столу? Две чайные ложки в мелкую тарелку.

Тут Трой снял крышку и принялся разнимать прилипшие друг к другу на поверхности варенья ягоды.

- А знаешь, - сказал с сомнением Артем, - ты скоро возненавидишь эту банку...

- Ну и пусть, - беспечно отозвался Данаев-друг, - я тогда избавлюсь от нее. Считай, исполню уже второе свое желание. А ты все еще подавляешь в себе первое...

Одна ягодка Артему нравилась, но в разговоре она неожиданно очутилась почти в зубах у Троя.

- Ой! Я хотел ее, - малиновый плодик так быстро исчез из поля зрения Артема, что он непроизвольно испугался и не сдержался.

- А! Тогда бери, - Трой придерживал ягоду липкими, сладкими, слегка подкрашенными фруктовым оттенком розового цвета губами. Можно было свободно протянуть ладонь и заполучить ее... Почему же он подался вперед всем телом, забыв про лежавшие на одеяле руки?.. Ягоды он коснулся губами и языком... Романтического поцелуя, который бывает при этом у взрослых, даже и не случилось, но Артему показалось, что его ударили да еще и перевернули вверх ногами. Все чувства от этой ягоды – вкусовые и тактильные – стремительно улетели в пятки, и сразу заболел живот, хоть он не успел ее раскусить. Когда-то лет в пять похожая боль началась во сне – и приснилась жуткая туча с громом, а под ней маленькая девочка, в руках ее цветок с тошнотворным запахом. И потом еще несколько раз выпутываясь из удушья этого проклятого сна, он уже точно понимал – рвота! Теперь все было по-другому. Его словно наяву тащили по песочной дорожке и окунали в холодную воду. Делалось мокро и противно, воды вокруг набегало столь много, что отчетливо хотелось выпустить ее из себя. Он поднялся, как скорченная морская фигура, не рискуя разогнуть спину, и принялся

истерически отряхивать трусы. Казалось, песок был везде – и внутри, и снаружи. Хотя на одежде его не было, руки не ощущали, но в глубине тела он першил и колол, да еще и обжигал какой-то химической примесью. Артем дошел до туалета и... ничего не смог сделать... «Никогда не терпи, - говорила мама, - мочевой пузырь может лопнуть».

- Вот, кажется, и лопнет, - подумал он, наваливаясь лбом на шершавый косяк двери в уборную. Перед глазами завертелись родители с бранью, Трой с вареньем, вода с песком и... слезы. Не надо было ни спать, ни разговаривать, ни отвлекаться – следовало реветь до самого утра. Оказывается, непролитых слез оставалось еще много! Он пробовал походить взад-вперед от одной двери к другой. Трой неподвижно сидел на соседней кровати, без варенья, похожий на бледную куклу. Раз за разом подходил Артем к порогу, а друг становился белее и сосредоточеннее. Повисло тягостное и безразличное молчание. Разогретыми в ванной ладонями Артем пытался снять свой холод, потом ворочался в постели, подыскивая удачную позу, которая бы принесла успокоение, и заворачивался в одеяло, стараясь создать тепло вокруг себя; потом он просунул руку и тер до первых искр. В результате запылали... уши, и не менее горячий сон накрыл его, отгородив от далекого и близкого. Небывалое теплое блаженство между ног почувствовал он на холодную трезвую голову, проснувшись от посторонних звуков на фоне прежней тишины. Трой все еще находился на синем покрывале неразобранной постели, но уже неудобно лежал, передавленный посередине боковой деревянной спинкой, и отплевывался на пол... Артем прекрасно знал, что это значит и неплохо разбирался в способах оказания первой помощи. Однажды он уже видел это со стороны: будучи восьмилетним второклассником, поднялся он темным осенним утром раньше будильника и застыл на пороге родительской спальни, глядя, как Селена хлопочет, а Христофор корчится над тазом...

Найти кого-то в недрах закрытых комнат казалось совершенно невозможным, и стакан воды с таблеткой активированного угля нашлись на кухне значительно быстрее. Утром Влада Андреевна буквально за вихры таскала новоиспеченного мужа. Именно он напоил малолетнего брата красным вином <...>

... В шесть часов сорок минут первый этаж потрясся залпами песни Nilo 'Mare', одновременно яркий свет люминесцентных ламп вспыхнул Восторку - Немеркнушему в глаза. Все было

шикарно! Он сел на постели, музыка продолжала гроыхать в зале. На столе неровной стопкой лежали разрезанные пополам ученические однотонные тетрадки в линейку. Половинок насчитывалось двадцать штук. Вчера он долго-долго шел пешком от школы по ступенчатому ландшафту между красных многоэтажек наверх, к продуктовым ларькам, покупал там йогурты, глазированные сырки и кексы. А потом вышел на магистраль и обнаружил в канцелярском магазине тетради еще советского образца. Желание это возникло внезапно: потерялся ключ от кабинета 5 класса, и они занимались в другом конце здания, в одном из торжественно обставленных классов двести второй школы. Там он и увидел выкроенные из тетрадей зачетки для пятиминутных контрольных работ. Потом вспомнил, что в начальной школе у них с Троем были блокноты такого же размера для математики.

- Теперь они разрисуют обложки и будут выполнять в них мои листочки, - думал Восторк. В августе он прочитал учебники, примерно понял, чему учить, а дальше принялся сам печатать на компьютере все задания. По его словам, назвать номер упражнения из книжки мог любой бездарный учитель. Конечно, были у детей отпечатанные в «Полиграфике» разноцветные «мультишные» тетради, но использовались они в основном под конспекты восторженно - филологической мысли Восторка. Реальная его скрытая потребность диктовала внешнюю тягу к детскому творчеству; он изобретал все новые источники ребячьей живописи, и дети рисовали ему – дай только повод. Каждый день он увозил в машине несколько стопок работ по русскому языку и литературе, проверял их в университете...

В эту пятницу он не нагрузился никаким скарбом, чтобы посвятить выходные Насте, Артему и всем тем, кому, если вспомнить, он еще что-то обещал. До вечера он просидел в учительской на диване, распивая кисломолочное и выставя оценки. Без детей и без учителей школа приобретала для него особую прелесть – она начинала принадлежать ему целиком, у него на руках оставались ключи от всего развивающего отделения; он отбрасывал ботинки и разваливался на работе в различных вдохновенных позах, как дома...

В субботу с утра Немеркнущий обычно еле переставлял ноги и спотыкался на лестнице, спускаясь из спальни в кухню. Он долго не мог собраться, хотя практически не обращал внимания на свой внешний вид – в рабочие дни за это же время он молниеносно рисовал на глазах стрелки и

убегал из дома уже в семь. Подъезжая к школе около восьми, он слушал звонок на первый урок по расписанию муниципального учреждения – и отправлялся через все здание в пустующий образовательный центр «Умка», чтобы сидеть там до девяти, набираться рабочего запала и строить радужные планы на предстоящие четыре-пять уроков. Войдя же в университет после половины девятого и застряв на площадке второго этажа, оставалось только одно: ждать Артема. Снизу поднимались толпы юных созданий, и он сканировал их взглядом, представляя и себя молодым студентом, мысленно вписываясь в течение их жизней. Когда ему было 17 лет, он, как и многие, считал поступление в главный государственный университет престижным для себя, однако не поступил по совсем иным причинам, в то время как народ проваливал экзамены, но не отказывался от своей мечты. Восторк назвал здание сельской школой из-за расположения боковых лестниц по обеим сторонам главной! В Государственном Техническом архитектура была хитрее: переход на верхние этажи можно было вполне обнаружить в неожиданном месте – в стенном проеме между двумя широко расставленными аудиторными дверями, например. Там можно было прятаться и уединяться на подоконниках среди рассыпанных окурков – что только в этом хорошего? Но теперь, стоя на ступенях центральной лестницы и подпирая спиной перила боковой, он испытывал неприкрытую гордость – и в состояниях ее несвоевременной зашкаленности он был готов по-американски класть ноги на стол в кафе «Старый Замок», что читалось у него на лбу и чем он травмировал персонал. Имея дома подъем в рай, он уже не думал о пыльных прокуренных лестницах, пронизывающих двенадцать этажей Технического вместо скромных четырех Главного...

Они с Артемом висели в этом университете и на социальной лестнице. Раз в неделю посещали пары своего руководителя Октора Грайворонского, на которых он читал лекции филологам третьего курса; при этом Восторк являлся бывшим дипломником все еще не защитившегося аспиранта из команды того же Октора, и теперь, встав с прежним преподавателем на одну ступень, он совершенно запутался в своих научных связях. Костя Едейко по этому поводу удачно шутил:

- Смотри, Восторк, защитишься раньше меня!

Октор Тихонович являлся без пяти минут девять, отпирал кафедру истории древних языков и типологии культур; заговорчески улыбаясь,

запускал туда обоих молодцов и пил на их глазах зеленый чай. Это был высокий статный мужчина лет сорока в бежевом костюме с черным зонтом. Незамутненность его лазоревых глаз и проседь в каштановых волосах придавали ему святости, под маской чего он изощренно острил, обращался к аспирантам на «ты» и вместо приветствия мог потрепать чьи-то всклокоченные с утра волосы. Сверившись по разным часам, он начинал читать теорию перевода на отборнейшем интернациональном языке. Девочки и избранные мальчики рассаживались вокруг круглого стола, преданно глядя на него. Артем ловко строчил, почти не отрывая пера от бумаги. Восторк не понимал половину, но каждый раз довольно уверенно с умным видом заполнял три страницы с узкой линовкой грамматически осмысленными английскими фразами. В этой аудитории они недавно познакомились; Артем вошел, уже разыскивая его глазами, потому что Октор много рассказывал о новом парне; Восторк же, напротив, об Артеме даже не догадывался, хотя дружба последнего с Грайворонским насчитывала славных двенадцать месяцев.

- Я уже на пятом курсе начал к нему на лекции ходить в пединституте. Теперь здесь хожу...

- И часто аспирантам приходится повторять то, что они уже изучали? – осведомился Восторк довольно кисло.

- Это на всю жизнь! Из тебя ведь преподавателя готовят!

- А школьное учительство будет засчитываться?

- Но ты ведь не занимаешься с детьми своей ономастикой?

- Могу и заняться. А почему же ты не пошел в педагоги?

- Подумал, раз ты уже трудишься, я буду лишним!

- Вот как? Тогда придется тебе написать за меня диссертацию.

- Видишь? Ты уже осознаешь, что лучше соискателю быть фрилансером, свободным человеком с неукротимой мыслью. Кстати, каждый десятый выпускник педагогического так и не становится учителем...

- А товарищи смежной специальности не могут занять свободные вакансии! Можешь ли ты себе представить: сначала мне приходилось объяснять, откуда в техническом университете взялся гуманитарный факультет, потом я доказывал, что преподаватель филологии круче, чем просто учитель русского.

И в итоге, меня браковали за недостаточный объем производственной практики.

- Разумеется, в традиционке нужна методика. А ты кто? Махровый теоретик. Скорее всего, ты приходишь в класс и говоришь: «Ну, дети, я не знаю, что вам может быть непонятно в этой орфограмме... А давайте мы с вами лучше обсудим хезитацию в вашей речи...»

- Да ладно, - препирался Немеркнуший. – У нас защищалась одна сокурсница по хезитации как раз; я в зале сидел и ничего не понял...

- О! – засмеялся Артем. – Как можно понимать чужую тему, если сидишь, уткнувшись в свою дипломную работу?! Ты хотя бы ухватил ключевое слово из ее выступления, а я-то все равно что один защищался!

- А я на семинарах к чужим ответам совсем без внимания относился, думал в это время, что бы самому сказать. Всякие доклады, рефераты – я слушаю и слышу набор слов! Даже на работе сначала страшновато было – как у детей дискуссии проводить... А они теперь друг за другом высказываются – и ты представь, я все воспринимаю, мне интересно, и ответы у меня сыплются как заранее готовые. Не ожидал от себя!

- Звездная ты личность! Очутившись в центре внимания, такие, как ты, сияют еще сильнее – в том числе и за счет внезапного просветления мозга! Кстати, если содержимое средней школы не повергло тебя в отключку – это уже первый шаг в любую методику. Я-то, честно признаться, на той же практике так подзагрузился общением с детьми, что чуть не повесился на шторе! Не знаю, почему я этого не сделал...

- И что, собственно, сложного в традиционном обучении? Ты пол-урока рассказываешь, они пишут, потом ты сидишь – они выходят к доске, ты – «да» либо «нет» и хлоп оценку. А мне в «Умке» на собеседовании сказали, что требуется хороший филолог, а работать с детьми они сами научат.

-Я знаю это веяние. Речь примерно о том, чтобы у детей физкультуру вел спортсмен...

- У них всерьез все перевернуто с ног на голову. Спрашивают: «А у вас хватит теоретической базы для пятого класса? Может быть, для начала возьмете 2У и 2М?» Тут я выпал в осадок.

- А у них нет понятия началки совсем?
- Есть! Но с целой кучей предметников.
- Бедные дети! Тебя чужим именем не называли? Хотя ты же там один мужчина – ни с кем не перепутаешь.
- Ничего. Я еще могу дожить до «Христофора Восторковича» в свой адрес. Или до «Ивана Ивановича». Но меня поразило, что вдруг предлагают классы, на которые меня вообще не учили!
- И с кем работаешь в итоге?
- Ну взял этот 2У... На пробу. Двенадцать человек. За пятый класс, конечно, тоже взялся. А то безобразие: я, мол, не дорос до уроков в средней школе...
- С началкой сложилось? Не подвело правило «жи / ши»?
- А мы на изучение потратили три дня. Причем, не учили, а объясняли. Зачем оно нужно, как его получили, какие языковые явления за этим скрываются... Пока не поймут сути и важности – бесполезно зубрить. Я сам из-за этого недоразумения плохо учился в их возрасте. Но в самом классе меня поразило другое: захожу в кабинет – и понимаю, что таких малышей в жизни не видал. У меня племяша в этом году первоклассница, и я думал: она – единственная в своем роде. Как сказал бы мой пятиклассник Глеб Черепанов: «У вас зашоренное сознание...»

На семиотике собрался полный поток – несколько десятков девушек; были среди них и близнецы, и двойники, многие имели на глазах правильные стрелки, иногда даже стильно мерцающие. Это единственное, что удавалось увидеть боковым зрением – в лица им совершенно невозможно было смотреть. Может быть, Восторк не умел этого делать?! – но они всегда сердились. Красились, привлекали внимание – и не знали, куда провалиться из зоны видимости. И он рассматривал с 15 до 17 лет женские бюсты; став постарше – ноги выше колен, но все ему не нравилось, то сильно худо, то слишком толсто, а после 20 надоело об этом и думать. Они стали казаться ему одинаковыми.

В начале пары Октор вручил им толстую книжку и отправил обоих копировать некоторые листы. Следовало подниматься на пятый этаж с таким низким потолком, что чердачная его принадлежность была безоговорочна – и становилось понятно, что английское отделение, располагавшееся там,

заселялось в университет последним. Ксероксы стояли в читалке, а электрический шнур для подключения выдавали в библиотеке. В первый раз Артем застыл с ним в руках: блок питания был напротив, но на задней панели аппарата стояла гладкая обшивка. В поисках утраченных разъемов пришлось лезть вниз почти под крышку.

- Я жить хочу! – пробасил Артем трагически... Потом Восторк копировал самую середину страницы без краев.

- Нет, это не подойдет, - сказал он бесстрастно, Артем в это время заливисто смеялся над тем, как сам же охнул, получив лист на руки. Книгу перевернули и сделали копию с очень черными полями.

- А что сделаешь...

- А дай-ка я!

- Ну начинается, - сказал Восторк, насмешливо растягивая гласные, - что за стадное чувство?

- Я не стадом, а по очереди...

- За мной не занимать, колбаса закончилась. И звонок был.

- А тебе не нужно занятие?

- Я копирую. Это ты стоишь...

- А я повторно. Это ты новенький.

- А ты любишь учиться. Из тебя кого-то готовят! А я-то в ценные работники выбиваюсь.

- Ничего у тебя не выйдет. Ты уже работаешь, ценность ты наша. Нет, не наша! А мне пока только остается прислуживать Октору.

- Проигрываешь! Тебя Октор уже давно знает, а мне еще предстоит проявиться. Или я, по-твоему, пришел на тебя смотреть?

- Сам ты проигрываешь! Ты сюда поступил не для того, чтобы копировать. И вообще Октор все равно не видит, кто из нас работает. Посмотрел бы он, чем мы здесь занимаемся на самом деле!

Тут Восторк по-мужски хлопнул его по плечу и сам захохотал:

- Аппарат копирует, мы болтаем. По-твоему, выпущенным из аудитории надо продолжать молчать? Кстати, отпустить и послать – это разные вещи?
- Да... Иногда даже противоположные.
- А Октор нас отпустил или послал??
- Ну ты даешь! Давай рассуждать логически: с пары он нас, конечно, отпустил, но послал по делу. Нельзя же отправить в одно место, не отпустив с другого!
- Где же твоя противоположность?
- Нет, по смыслу они противоположны. Направление векторное: туда-сюда. А в контексте связаны. Ты ведь можешь сказать: «Я злой, а не добрый».
- Я утверждаю одно качество и отрицаю другое, да? А ты отпускаешь и посылаешь одновременно! Скажи мне тогда, как они противоположны, когда одно слово исключает другое. Я у тебя не про парадигматику в языке спрашиваю, а про значение в жизни.
- Мне уже кажется, они похожи. Что тебя отпустили, что послали – результат один: ты уходишь!
- А как у нас с синтагматикой?
- Отпустить откуда? Отпустить куда? Ха-ха! Отпустить кого?!
- Во! Можно сказать, что Октор отпустил нас копировать?
- Получается, что копирование – наше личное дело. Но это ведь ему было нужно...
- Ну вот, - сказал Восторк печально, - вот видишь, он не отпускал нас копировать...
- Как это?! – Артем даже испугался. – Сами, что ли, ушли?!
- Да ладно, - примирительно ответил Немеркнущий. – Нас отпустили. Только - «с пары». А копировать нас именно «послали».
- А наоборот: «послать с пары»?
- Здесь просто. Тебя не послали по определенному делу и не отпустили по твоим собственным нуждам. Никому неинтересно, чем ты будешь заниматься. Главное, чтобы ушел.

- Пусть так, но разве когда тебя отпускают, кому-то интересно, чем ты будешь заниматься?

- Не то, чтобы интересно, но важно услышать, куда тебя отпустить. «Отпустите к врачу» и «Отпустите побродить по коридорам» - есть разница?

- А если я просто скажу: «Отпустите меня с пары»?

- Равнозначно требованию отпустить тебя просто так.

- Но преподаватели иногда отпускают просто так?

- Это означает, что не будет пары, и у профессора на это свои причины. «Я отпускаю вас, потому что иду к врачу». При этом вас благословляют на все, что бы вы в дальнейшем ни сделали: «Идите с богом, дети. Зачем вам эта лекция!»

- А если я один отпрашиваюсь, и мне говорят, что отпускают – как думаешь, какую связь держит в голове преподаватель: отпускаю к врачу или с пары?

- Для тебя пока проблема не в походе к врачу, а в том, чтобы уйти с пары. Преподаватель тебе эту проблему решает. И для него фактом становится твой уход с занятий. Он уже не увидит, как ты в больницу ходил. Впоследствии он может просто сказать: «Этого студента я отпустил». Сразу понятно, что по уважительной причине. А ты держишь в голове свое направление и осознаешь, что отпустили тебя ради этого.

- А мне кажется, это неуважение к себе, когда акцентируешь фразу «отпустил с пары». Уже не учишь, а будто только и делаешь, что отпускаешь. Лучше подчеркнуть эту уважительную причину – «к врачу». А для тебя пока важен, - верно ведь в начале говорил, - сам отгул; отпустили – и ты уже рад. Ты понимаешь, что и к врачу успеешь, и может еще время остаться для чего-нибудь...

- Даже и не знаю я. Здесь, наверное, человеческий фактор: кому как нравится. Я уже о другом думаю. Я у тебя ошибку нашел.

У Артема на лице изобразился сюрприз. В ответ он только развел руками.

- Мне кажется, что Октор не отпускал нас с пары! «Отпустить» - это уже совсем, а если на время, то нет необходимости упоминать об этом. Мы понимаем, что нас послали за делом – исполняем и возвращаемся.

Они спустились. Перед дверью Артем придержал Восторка:

- Ты быстро заходи и сразу на заднюю парту... А то все на тебя смотрят, а я впадаю в самообман, что хотя бы четверть из этих взглядов провожают меня...

.....
..... Они впервые – в 10 классе! – выбрались из школы в какое-то другое заведение; особо одаренные здесь хотели представиться друг перед другом, от этого казались окружающим странными, а между собой – чудными вдвойне. Большинство мальчишек выглядели великовозрастными, носили красные пиджаки или ходили в майках с открытыми плечами. На уроках с умным видом все как один решали трудные математические задачи, а на переменах либо непреступно прохаживались вдоль стен, либо ржали в сортире. Девочки были похожи нарисованными лицами на кукол, но отличались скверными кошачьими характерами: провоцировали всех вокруг, а потом выясняли отношения.

Три фурии и два циника сразу слиплись вместе как одна сатана. Рыжий розовощекий толстяк и плюгавенький серый малый имели слабость к одухотворенным девушкам с длинными косами, которые, конечно, есть везде, даже в исправительных школах. И этим тихоням начинали вдруг твердить о здоровой любви и непринужденном общении. По тону их речи оставалось не совсем понятным, что вышеозначенных юношей заботит. Если бы им было хотя бы около 17, намерения их отчасти прояснились, но в среднем пубертате дело выглядело совсем уж нечистым и темным. Девочки подозревали, что это клоунада, выдаваемая за правду и нужно отшучиваться, но почему-то всегда пугались и вступали в чрезмерную оборону, что приносило зачинщикам их сомнительное удовольствие. В средней школе Мишу Шаповалова пытались дрессировать, но он ускользал из средств управляемости и восклицал восторженно-классическое «Я люблю ее». Что мог возразить учитель, если шедевр «Я вас любил» парень читал лучше всех и на уроки хаживал в белом костюме...

На трех пресловутых девиц из этой компании Восторк диву и злу давался. Это было редкое уродство, а Восторка нельзя было обвинить в предубежденности по поводу унаследованного внешнего вида людей. Просто никто из его знакомых не рождался с малиновыми волосами, а тут Анечка Хрусталева притащила свои снимки времен 8 класса, где она орет, брызгает слюной прямо в фотоаппарат да еще и трясет своим химическим пучком. В Технический Лицей Анюта явилась с гладкой прилизанной нахлобучкой из белых (почему-то хочется добавить – слипнувшихся и пахнущих краской) волос... Однажды на 11 этаже Технического Университета в аудитории, забитой людьми, когда шестой час вечера позволял ей отражаться в незавешенном оконном стекле, устремленном в темное небо, она приставала к одному из тех, кто ходил в безрукавках. Что-то она из него вытрясала, зачем-то просилась на руки – в итоге они упали на скамейку, и так уже сломанную. Она оказалась сверху и орала откуда-то из-под крышки стола.

- Кто это? – подумал Восторк, решающий сложную пространственную задачу перед занятием. Нелегко было узнать в ней девочку с длинными русыми волосами, фото которой выпало из-под карикатур существа с розовой челкой. Эту фотографию Восторк украл – ей было там явно не место!

Вторая особь расхаживала семенящими шагами в длинных юбках. Волосы опять же слипались стриженными пучками, но были радикально черного цвета, а поскольку они блестели, то создавалось впечатление, что они истекают некачественными чернилами. Нос у нее был острый, а кожа так же блестела, как и волосы – разумеется, белоснежным кремом, но над ней явно хотелось позлорадствовать, поэтому само собой думалось, что это счастье у нее от пота. Третья подруга была менее уродлива, имела хотя бы спортивный вид, завязывала хвост из нормальных каштановых волос, но огромные свои глазищи обводила еще более заметными синими кругами.

Помимо будничных мелких хлопот у вышеописанной диаспоры лежало на сердцах большое горе. Числились в группе два мальчика, оба были заучками и выглядели при этом как божья кара. Отрастающие волосы цвета вороного крыла свободно шевелились вблизи таких мест на шее, которые не отказались бы уже целовать и взрослые женщины. Один из них имел облик смазливый – редкий по своей совершенной исполненности: круглые глаза разных цветов... не сказать – радуги, но поскольку это было врожденным свойством, гармония между радужными оболочками угадывалась. На фоне

переливающейся зелени одного глаза второй заволакивался по центру вокруг зрачка дымчатой карей тенью, и этот резкий переход к потемнению глаз делал его взгляд проникновенным и глубоким. Черты лица его были плавные, сглаженные, преисполненные благородства, к ним очень шла улыбка, а он все время фонтанировал глазами позитивную эмоцию. Друг его цеплялся черными очами за предметы и сверлил людей. Обаятельным он вряд ли был, подобная внешность соответствовала образу война - азиата в детстве. Цвет лица имел преимущественно бледный и бледнел еще сильнее – и тогда легендарные фамильные брови и чересчур яркие губы проступали еще отчетливее, становясь чувственными, сексуально-притягательными точками. Оба товарища носили черные футболки с драконом и гремели связками цепочек на светлых джинсах, перетянутых у пояса жесткими солдатскими ремнями и невероятно расширенных внизу. Разговаривали они только с нужными людьми в основном по делу, упивались своим достоинством и упорно продолжали забиваться в углы и аскетствовать, наводя при этом все более нарядные марафеты. Когда один вдруг навел белые перья в волосах, а другой – черные стрелки на глазах, толпа ахнула, и наиболее заинтересованные бросились на амбразуру.

- Восторг, а губы у тебя тоже накрашенные?

- Нет.

- Для чего тебе подводка глаз?

- Мне это идет.

Таков был первый заход. Он действительно находился на своем месте, в своей тарелке, и разговор свелся бы к восхвалению его личности, стоило бы ей согласиться. А Беловой Саше очень хотелось раздавать ценные советы. Успехи Анны Хрустальной с Троем можно было назвать промежуточными:

- Почему ты совсем не осветлил волосы?

- И ты бы меня спросила, зачем я это сделал?..

По крайней мере, этот занялся словесной эквилибристикой, не переставая улыбаться... На последующие попытки снять их с насиженных мест Трой продолжал переводить тему разговора бессмысленными многословными речами, ловко вписываясь в средневековые каноны галантности. Восторг же открыто хамил и злобствовал – раз за разом ничего

нового в этом не было, ответные грубости он не трудился слышать и не вступал в продолжительные беседы. И хоть последнее слово оставалось за ними, все равно ситуация складывалась скучная и обидная. Их явно считали болтушками. Трой в этом смысле был интереснее: он отбивался ровным голосом, пока всех их уже не разводили обстоятельства. Пока Троя зажимали в углу, наседая на него втроем, Восторк вдруг самостоятельно подал повод для ссоры. Он появился из ниоткуда и... увел товарища из замкнутого девичьего круга. С легкостью, за руку и без всякого сопротивления. Саша Белова вдруг поняла, что не станет она хвататься за мужчину и перетягивать его, как канат. Хрусталева потеряла в Троя веру. Татьяна Ашаева криками дала отмашку:

- Я не поняла? Он твоя собственность, эй?

... Старые джинсы. Старая отмершая шкура. Он явился сегодня, как детдомовец. Только в это заведение годны отцовские подарки двухлетней давности. Или на дачу. Вчера, как всякий ненормальный человек, он расхлебывал свою горькую чашу во дворе университетской новостройки, отданной под отдельное помещение Технического Лицея. В одиннадцатом классе они внезапно переехали и расселись в стандартно обставленных школьных классах. Обедать ходили на больших переменах в университет ради кексов, коржиков и всего того, что еще просилось Тройю в рот. От этой умиротворенности не осталось и следа, когда Восторк потонул в жидком цементе; отправив в небытие белые ботинки и нижнюю часть джинсов, он нешуточно взвыл и даже вылез, не затвердевши, при виде надвигающегося грузовика. Таким образом у здания доделывали крыльцо, и ученикам здесь явно было не место. Песок с мутной серой кашей стекали как с гуся вода. Через двадцать минут он вышел из туалетной комнаты в идеально мокрых штанах до самого колена. Трой появился следом, рассуждая о зыбучих песках. С опозданием и невозмутимыми лицами – и не так уж это было для них-то тяжело – вошли они на последнюю пару под пристальные взгляды всех страждущих мщениа. Злорадный восторг мелькнул в глазах Хрусталевой, но тотчас разбился, как хрусталь, о Восторково выражение лица, не оставляющего сомнений в том, что так и надо. Разумеется, оба напустили на себя личину, и в глубине души Анна думала вовсе не те глупости, готовые сорваться с языка, вроде «Кашу на себя опрокинул?» или «В унитаз провалился обеими ногами?»; теперь ей стало интересно, а можно ли вывести его из себя. Вечно великаны – титаны мысли или красоты - висят, как

бессильные, на цепях или слепо бредут по дороге, ничего вокруг не замечая и не догадываясь о проблемах. В итоге, всю эту мелочь решают совсем не знойные мужчины, которых вовсе не хочется любить...

Старые джинсы. Воспоминания о минувшем дне. Помещение аудиторных занятий английской подгруппы продвинутого уровня. По две парты в ряд. Он сидит посреди кабинета, согбенный над желтой продолговатой книгой. Позади восседает Хрусталева и упорно тычет ему в спину циркулем. Самым беспощадным образом. Самым острым концом. Он точно знает, что проходит все, пройдет и это, нужно лишь потерпеть и не допускать в жизнь сентиментальных моветонов своей слабости. Терпеть? Он поднимает глаза на молоденькую учительницу – каких-то пять лет разницы, и он уже бережнее относится к женским ощущениям. «Жалко ее, - думает он, - совсем не обязательно вот так сразу понять, что твои слушатели заняты исключительно друг другом...» Потом он, не поворачивая головы, не производя суетливых истерических движений, забрасывает руку назад и ребром ладони отпускает затрещину куда попало. Воцаряется тишина, хотя и так было нешумно; теперь молчание приобретает характер сдерживаемых восклицаний. Анька немеет – видимо, осознает, что забыла, как великаны, не заметив, давят окружающих. Англичанка растерянно хлопает глазами, переводя взгляд с одного на другого, не зная, к кому обратиться. Маячат за приподнятой картонной обложкой огромные и с близкого расстояния расплывающиеся Троевы глаза; нет, не читает – ведь интересно! – и смотрит на Восторка, как в детстве, наивно и чуть тарашится.

- Аня, если нужно, выйди и посмотри глаз, - озвучивает преподавательница, как ей кажется, конструктивное решение. А сама думает, в каких фразах будет доносить на круглого отличника.

- Я и так его прекрасно вижу, - кротко отвечает Хрусталева, и это будет единственная ее фраза и по поводу глаза, и о ситуации вообще. Классная дама не пыталась ее спросить о чем-то; как обычно, всем было понятно, отчего девочка половину пары втыкает иголки в чужую спину, а с какой стати распустил руки мальчик – действительно, странно.

- Мне кажется, она чего-то добивалась и получила то, чего и хотела, - формула успеха совсем в циничном стиле Миши Шаповалова.

- Конечно, они не будут беседовать с ней по сути, всем стыдно сказать: «Что же ты пристаешь к парню?» Если ты даже и не узнаешь о такой разборке, все равно окажешься сахарным в их разговоре, - говорил Трой. – Лучше они попросят ее не приводить отца, представят, что им самим так будет лучше...

- Я бы на твоём месте не боялся кулаков разных стариков... - сердито бросил Восторк.

- А я не испугался бы их и на твоём месте. Лучше пусть покрасят морду, чем отчислят. У нее батя – декан радиофакультета.

- И она учится здесь как дочка начальника? А у меня отец – раздолбай, а матери вообще нет! Поэтому если кому-то что-то надо объяснить – это ко мне <...>

... Возле

прилавков со времен пришествия нынешнего хозяина царила темнота; от дверей по диагонали расходились два зала: в одном взбирались рядами к потолку книги издательства «Пирог», которое поддерживало никому не известных желающих высказаться и выпускало им антологии в желтых, разрисованных комиксами обложках. Интересовались подобными новинками поголовные неформалы, и заведение могло вести статистику и высчитать их процент среди населения. Напротив давали пироги, и не просто бабушкины пирожки, уместающиеся в ладонь – это были целые квадраты, набитые хлопьями творожных и овощных масс, обвешанные лохмотьями остывшего растопленного сыра. Употреблявшие этот продукт обычно забывали о трапезе на полдня. Заведение радушно принимало железнодорожных туристов, которым некуда было деться из плотного графика своих отъездов, прибытий и пересадок. Такие люди часто ехали за границу из провинций и угадывали на промежуточные станции в заколдованный отрезок времени с 5:50 до 7:55, без завтрака и без представления, где его найти. Подобные размышления и подсчеты предписывали кафе «Desire» внеконкурентную работу в ранние утренние часы. За барной стойкой стоял сам хозяин Дезар, или Денис Азаренко; после заката он бойко торговал книгами, но иногда сбивался, когда покупатель погружался в чтение, не отходя от кассы, - и предлагал пироги. Ночь он проводил беспокойную, опасался проспять работу и поэтому тусил, и это все же не спасало его от страха опозданий. Зато днем он мирно отсыпался, пока младший брат письменно преуспевал в тонкостях частной науки.

- Здорово! – приветствовал Артем. – Я уже час жду. Ты похож на блеклую женщину.

Естественный Восторк, похожий без макияжа на стопроцентного мужчину, устало присел на краешек стула, выставив на стол толстенные манжеты черной потертой косухи.

- Смысл ждать человека раньше назначенного часа?

- А я дожидался этого часа. В страдание по тебе я не успел погрузиться – ты вовремя пришел. А если бы я любил тебя по-настоящему, то ждал бы несколько дней. Эх ты, злюка! Спорим, что ты-то трое суток меня вспоминал?

- Да, мне неприятности всегда не давали покоя... Ты понимаешь, ко мне скоро придет Настя, а тут...

- Нет, стоп! Я первый записался, и ты должен был скорее ее визитом пожертвовать.

- Она не в том возрасте, чтобы ей отказывать. А пожертвовал я скорее собой: с самого утра под обоих прогибаюсь...

- В таких случаях всех посылать надо. Встаешь и уходишь в третье место исключительно сам с собой, - крикнул Дезар от бара.

- Куда еще идти? – возмутился Восторк. – Я спать хочу. Я вас прекрасно и сидя пошлю.

- Смотри-ка, гонит из родного дома без зазрения совести. Господин Мерков, не боишься больше, что тебя за непослушание отравой накормят?! – глумился Денис.

- Я не МЕРков, я ЧмейркОВ, - мрачно возразил Немеркнуший. - Артем, а ты достоин самых щедрых посылов в самые сокровенные места... Ты еще и трепач.

- Хватит материться, учитель русского языка!

- Я тебе тут не учитель, - отвечал он и активно продолжал посылать.

- Перестань, говорят. А то напишу работу на тему: «Фаллические образы в речи Восторка Христофоровича» - и ты будешь еще долго оправдываться в своем онанизме.

Когда развлеченный ими Дезар с ухмылкой подал пресловутые пироги, оба позавтракали с неомраченными аппетитами.

- И вместо того, чтобы перебирать мои детские страхи, - говорил Восторк, отодвигая тарелки, - мог бы рассказать про свои взрослые ужасы!

- Знаешь, - ответил Артем примирительно, - если твои страхи изменились, то ты выиграл. Потому что я до сих пор боюсь снов, в которых изображаюсь я, потерявший рюкзак где-то в школе.

- А, я знаю такие сны: иногда еще голым оказываешься в общественном месте!

- Оказываюсь, - признался Артем, - но спрятать себя проще, чем найти сумку с книжками.

- Да, - произнес Восторк задумчиво, - мои страхи повзрослели по-настоящему. Теперь я боюсь... гомосексуалистов!

- Ой! – Артем даже откинулся на стуле и воздел руки. - Неужели тебя где-то угораздило их напугаться?

- Было у моего друга двое друзей...

- И тебя приглашали четвертым!

- Да уж, он всерьез думал, что можно с ними дружить. А я в конце концов одного из них ударил.

- Вот! Одно и то же! Я знал. Тебе впору себя самого бояться. А меня лупить не станешь?

- Я с малознакомыми подчеркнуто вежлив...

- Как профессиональный двурушник. Хорошо, что предупредил... Значит, через месяц-другой из твоей шкапулки будут выпрыгивать дюжие Восторки с серьезными намерениями?? Только чем же тебе так близок стал твой окровавленный гном?

- Наоборот, я отбивался от лишней близости. Узнал его хорошо – и бил стандартно. Как среднестатистического врага.

- Нет, - сказал Артем, - так дело не пойдет. Ты мне зубы заговариваешь! Обещал про страхи, а свел все на свои драки. Или ты его колотил со страху??

- Да не колотил я его. Просто стукнул. Он отлетел – и все. Они драться-то совершенно не умеют.

- И все-таки за что ты его огрел? Он к тебе лез – и ты боялся? – допытывались по другую сторону столика.

- Я этого тогда вообще не боялся. Но мне показалось, что он может пристать к моему другу. Что в этом хорошего?

- И только-то? Весь страх в навязчивости, якобы кто-то к кому-то пристанет? Ты, Восторк, конкретно, по-мужски скажи, в чем проблема!

- А ты не веди бесконечный диалог – тогда и расскажу.

И тут Артем понял, что мешает какому-то другому занятию, хотя можно было привыкнуть к тому, что Восторковы глаза всегда отъезжали от лица собеседника в сторону в скучающем безнадежном поиске; на этот раз по ту сторону взгляда находилась классная мужская фигура, обращенная лицом к Дезару. Субъект монотонно тянул аперитив из бокала, на руках его, вырастающих из пройм темной безрукавки, угадывались по вздутым белым отметинам шрамы. На спине красовалось осветленное на черном фоне изображение дракона с закрученным хвостом; из этого клубка отчетливо тянуло в душу дурманом свежей данаевской крови. Артем пошевелил мышцами на макушке и недоуменно воззрился на картину явления царя народу, написанную на Восторковом лице. Минут пять так сидели. Потом Дезар вынырнул из-под прилавка и уселся на высоком табурете напротив незнакомца, тот заговорил глухим, замогильным голосом. Восторк вздрогнул и отвлекся от него, также обретя дар речи. Заговорил он о старом, и Артем решил, что приятель обознался, поэтому не стал спрашивать, хотя рассказ о том, кто был похож на Денисова кореша, мог оказаться интересным.

- Когда я с одним расправился, второй решил дать мне сдачи, только не знал, с какого места с этим подойти – и навалился, как медведь, давай сжимать, будто я из резины... У меня все силы сразу куда-то делись, стало душно и мерзко, будто насилует женщина.

- И только поэтому ты решил, что они гомосексуальны?!

- А еще они оба дивные, как цветники!

- Восторк, на себя посмотри...

- Не приписывай меня к ним. Что во мне? Что ты – что я... все мы традиционно темные. А они? Один блондин синеокий, второй – медного, предзакатного цвета, и зелень ядовитая брызжет из глаз...

- А ты расист, парень!

- Я-то? У моего друга один глаз тоже зеленый, но это не выглядит так вульгарно!

- Ну все с тобой ясно! Ты его любишь наполовину: с одной стороны, он тебе близок, а когда видишь его с другого бока, то завидуешь...

- Не понял? – жестковато спросил Восторк, хотя Артем повествовал достаточно шутливо.

- Видишь ли, синева, а тем более зелень в глазах вовсе не свидетельствуют о гомосексуализме. Просто лучезарные блондины часто девушкам нравятся. Здесь я тебе свояк на оба глаза. Сам страдаю.

- Женщин мы не делили...

Тут Артем хлопнул себя по лбу и заголосил:

- Точно! Вы же товарища делили – того, который с зеленым глазом! В некотором возрасте лучший друг дороже возлюбленной...

- Кажется, ты сейчас в таком возрасте. Именно под эту теорию подходят преследования в ночные часы...

- И теперь я буду знать, что все трезвенники есть язвенники! У меня другой случай – вторичного погружения в мальчишник из-за одиночества. Я ведь даже самого никудышного друга не нашёл в юности. А вон – видишь – у стойки стоит Догмар, с ним Денис уже сто лет общается...

Эффект был достигнут: Восторк снова дико устремил взоры в указанном направлении. Артем продолжал наигрывать:

- Чего ты на человека уставился? Неприлично.

Но было уже поздно. Белый дракон чутко вздрогнул и развернулся в пределах прямого угла.

- Что надо? – свирепо бросил дракононосец в зал. Следом послышался Дезар:

- Брось, это младший брат с другом...

Прямо на Восторка, или скорее мимо него, обращены были два студенистых, наполненных наслаивающимися белковыми оболочками, органа зрения; цвета глаз не было, хрусталики тонули в облаке непроницаемого сероватого бельма. В верхней части лба ровный загар пересекался частыми тонкими нитками давних шрамов. Без сомнения, человек был слеп и озлоблен. При виде этого уродства Восторк сразу заработал головную боль. Всплывали и уплывали в сознании, вспыхивали десятками образы темно-зеленых Воркониевых глаз, затянутых катарактой...

... Цветочная Настя в ярких тонах, с зонтиком и в калошах стояла уже у двери, когда он, задыхаясь, взлетел по лестнице.

- Так я и знала, что ты разгуливаешь по ночам, - сказала она с апломбом.

- Насть... - бормотал он, без надежды отбиться. – Как мне не везет сегодня!

На циферблате начался отсчет в сторону десяти часов. Ключ с металлическим шипением вонзился в замочную скважину, Настя прошла вперед. Он закрыл за ней дверь с облегчением, не без желания забиться в угол, наблюдая, как она мило будет хозяйничать. Некоторое время Настя металась по наклонной, потом немного остыла и практически пересчитала ступеньки. Затем Настя принялась раскладывать: достала из рюкзака бутылку с розовой банной пеной, пару футболок и короткую курточку из тонкой лаковой кожи. После этого она совершенно предсказуемо погрязла в ванной, высунув из мыла макушку с носом и пятки. Восторка она усадила на кафельный бортик и болтала, гулко тонируя под сводами потолка.

- Когда взрослый видит ребенка в водоеме, то всегда норовит утопить его, а потом со смехом вытащить! Это считается прекрасным неожиданным поступком...

- Что же делать взрослому? Самому утопиться? – улыбнулся Восторк.

- Тогда станет под водой за ноги хватать, - отмахнулась Настя, - нет, надо что-то красивое...

- А твое «красиво» - это с прикосновением к тебе или без этого? – спросил он серьезно.

- По-разному будет красиво? – обрадовалась она.

- Не знаю я, Настя, что тебе нужно: или чтобы дружественно плыли рядом с тобой, или по воде на руках нежно носили...

- Нет, все глупо в общественных местах, - решила Настя, с умным видом закатывая глаза и не различая седьмого неба, - все прыгают, а вы нежно плывете! Глупо и незаметно. Пляж – это увеселительное заведение. А надо, чтобы вдвоем...

- Вот мы и вдвоем! В ванной. Никто сюда больше не влезет. Красиво? Как тебе?

- Мы же ничего не сделали, чтобы было красиво, - удивилась она.

- Как будто не бывает в мире красот нерукотворных, - проворчал Немеркнувший и нагнулся к ногам. В следующую минуту он уже погрузился по колено в Настину пену, слегка замочив отвороты подвернутых светлых брюк. Детские глаза восторженно наблюдали за ним, суживаясь будто от усилия что-то сделать или наоборот удержаться. Она всплыла на поверхность и толкала пену в его сторону, словно делилась.

- Ты только руками не двигай, - сказала она, - а то живо мне на нос мыло намажешь.

Тогда он шевелит под водой пальцами ног, находит ее пятки и ощупывает их с разных сторон.

- Это уже красивым не назовешь, - констатирует Настя, - потому что не видно. Зато приятно.

- Приятно, - соглашается вздыхающий Восторк.

После смены девчачьих маек они следуют в супермаркет; ей понадобилась еда, демократичная и не имеющая ничего общего с маслинно - сырными вкусами матери.

- Она какое-то кислое ест, - жалуется девочка.

- Интересно, ее квашеное лицо – причина этому или следствие этого? – не стесняется выразиться вслух Восторк. Ей нравится такое равноправие, и она не будет передавать, кто что говорит.

- Чего хочет человек Настя? – вопрошает он, таская ее между полками.

- Компоту, - она тянется, но не успевает схватиться за банку, рука ее висит у нее над головой, и она теряет равновесие, валится на него всем телом и увлекается в проход между мясом свежим и фаршем консервированным.

- Еще чего? Не желаешь ли жирных котлет?

- Да!

- С такой-то быстротой только по худой дорожке вперед бабки в пекло! Нет, Настя, как ни странно и как ни крути, тебе нужен творог. А мясное уже пора включать в рацион мне...

- А это от травы рождается... телячий восторг?

- Ты меня, однако, больным считаешь? Хотя знаешь, круговорот травы и мяса в природе – почти философская карусель... И при чем здесь я, не имею понятия. Но вот когда я учился в классе седьмом, две подружки Аня Семенова и Лена Крепс пошли гулять и попросили папу сварить им сорок пельменей на двоих. А отец не понял и сварил восемьдесят. Вот и поели! Осилили они все или нет, не знаю, а вот я до сих пор не съедал больше пяти штук за раз...

На выходе оказались с тремя упаковками фигурного печенья и мороженым тортом.

- А где у него кружева? – спросила Настя.

- Кружева пусть будут на твоём платье. А у мороженого внутри кусочки вишневого пирога. Ты еще жить без него не сможешь!

От кассы Настя убежала, и пришлось возвращаться, чтобы забрать ее от стеллажей с винной продукцией.

- Мама не покупает красивых бутылок...

- Продают не бутылки, а содержимое. Пойдем, Настя, оплатим твоё чаепитие...

- А ты купи себе внутренности, а мне посуду, - попросила она почему-то шепотом.

- Я не пью этого, - он изо всех сил старался пропустить мимо ушей патологоанатомическую просьбу, чтобы не расхохотаться, как дома. –

Смотри, от компота банка тебе достанется, она и красивая, и вместительная. Понесли ее домой, а то уронишь и разобьешь.

Настя все-таки стащила с нужной полки стеклянку с расплывшимися ананасовыми кольцами и теперь держала ее перед собой на уровне лица, не то пытаясь усмотреть нечто внутри, не то целясь ею в кого-то снаружи. Она сердито отвернулась и от вин, и от Восторка, сверкнула молнией на кармашке, застегивая его, и зашагала по ряду, сокрушенно качая головой.

Весь день Настя продержала Восторка на сладком – и вовсе не наоборот, как казалось бы. После того, как закончилось комбинированное мороженое, она в буквальном смысле не существовала без продолжения и готовила его сама, заливая раскрошенное печенье стуженым йогуртом. Это блюдо в разных вариантах дегустировали они и на обед, и на ужин, и перед телевизором, который часами издавал звуки поражения кота Тома.

- Я еще могу и не такое, - обещал Восторк, поглощая очередную миску. К вечеру он нажил предельную концентрацию гормонов радости и свалился под дурманом призрачного веселящего газа в области дыхательных путей. В седьмом часу звонил Оддин с учебными вопросами, но быстро понял, что преподаватель расслаблен по-пьяному. Настя появилась внезапно, хоть далеко и не уходила, с заявлением, что она захватила из маркета миниатюрную тару с вином, которая находится сейчас в кармане лаковой курточки, распробовала из горлышка, и теперь ее тошнит. Из всей пламенной речи Восторк выхватил последнее ключевое слово.

- Две таблетки активированного угля, - сказал он мгновенно, сразу переходя к перспективному развитию проблемы; смотреть на пресловутую не купленную им бутылочку ему вовсе не хотелось, а детские кражи его не впечатляли – сам он в шестилетнем возрасте тащил что-то у частных лиц. По поводу распития крепких напитков во младенчестве напрашивалось единственное резюме:

- Ты вся в своего отца!

Настя вела себя довольно мужественно, кротко улеглась в постель, не лезла на стенку и не распространялась больше о былом и думах. Он напоил ее лекарствами, вернулся на свою половину дивана, и они молча пролежали до темноты. Мигал индикатор соты – один раз в две секунды, и время, измеряемое этими вспышками, замедлялось вполтину, поэтому и шевелиться

было лень, и звонить кому-то не одолевала спешка. Антония не проявляла беспокойства в ответ, и вдруг он сказал:

- А я не повезу тебя домой! Утром нам по пути – так зачем делать лишний бессонный крюк по городу?

- Будем спать? – Настя крепче прижалась к нему.

- Ты можешь наверх подняться, - ответил он ей. - Какая красота спать здесь со мной по-солдатски? И темно, и глаза закрыты, и я брежу – вдруг отбиваться начну, как от кошмара??

- Но я не трогаю тебя руками.

- Все равно. Я тебя чувствую.

- А ты приятно чувствуешь или неприятно?

Он ответил, что скорее так, чем эдак... Прежний разговор пошел в обратное русло.

- А тебе становится лучше, когда к тебе прикасаются?

- Не знаю. По возрасту судя – должно!

Но она была слишком мала, чтобы провоцировать ее и себя. Несмотря на всю кажимость равноправия, они находились в различных плоскостях восприятия – ей легко давались некоторые поступки, соединить которые с ее мотивами Немеркнущему было уже трудно. Первый поцелуй по-детски пришелся ему в профиль, второй скользнул по губам – и тут независимо от себя самого он вставился в центр калейдоскопической красоты и в ответ на ее трагическое, как ему показалось, «Ты меня любишь?» ответил нечто свое, случайно оставшись в том же вербальном поле:

- Люблю!

- А ты любишь меня, потому что я дочка Троя?

- Но он мне как брат, а в родственников не влюбляются, поэтому не думай, что я могу любить тебя через третьи отношения...

- Родственников не любят? – прервала она его удивленно.

Он упал с небес на землю.

- Э-э-э... Я, конечно, люблю тебя, как племянницу...

- Следовательно, ты на мне не женишься! – воскликнула Настя.

- О, опять! – обрадовался Восток и вслух горячо заспорил. – Конечно, женюсь! Это чудная идея. Мне просто необходимо это сделать. Я бы не придумал лучше! Ты истинная дочь своих родителей!! Спи, Настя, говорят, в эту ночь суженые снятся...

Он вполне доверял себе и верил в любовь к Насте и к Наташе Антоновой из 2У, и к Наталье Дегтяревой из группы ГМУ радиотехнического колледжа, в связи с чем осознавал себя педофилом, а иногда удивлялся, как это может быть...

.....
..... Первого апреля 1993 года в крытом бассейне отеля Labriz на Сейшелах столкнулись под водой два отлично сложенных парня примерно 23 лет. Всплыли над поверхностью две пары отливающих блеском очей, и серебристо-серые глаза утопились повторно в акварельно - зеленых. Оказавшись в одном замкнутом водоеме, люди нороят поздороваться, словно личностные границы уже нарушены и молчание неуместно, как с гостями и посетителями.

- What is your name? – проговорил один, по-прежнему болтаясь перед носом у другого.

- Dogmar. And your?

- I'm Vorkony. Where are you from?

- Айм фром Укrania...

Ворконий вдруг расхохотался, запрыгал по вертикали на собственной волне и заговорил далее чистой русской речью:

- Что же мы по-английски баем? Я тоже с Украины!

- Земляк, - заметил сероглазый. – С какого города будешь?

- Житомир.

- Я из Харькова.

- И все же можем еще раз встретиться. Я сейчас на два города живу и поеду в Харьков, возможно, сразу после этого путешествия.

Догмар не улыбнулся очередному совпадению. Он был занят - оценивающе приглядывался и наконец одобрительно сказал:

- Если договоримся, встретимся непременно. Ты с женой приехал?

Ворконий смущенно взглянул на обручальное кольцо и отрицательно покачал головой:

- Нет, она ни самолетов не переносит, ни жару, ни гастрономические изыски... Я тут с младшим братом, с мальчишкой.

- Похвально! А я... с двумя амбалами. Еще с пареньком одним познакомился. Тоже из Харькова. Прошу всех вечером за мой столик...

- Он уже согласился?

Догмар пожал плечами:

- Посмотрим...

- Ребенок не помешает?

- Отставить расизм! – он внезапно заговорил остротами, составленными из лозунгов, чем выдавал в себе личность демонстративную, но подавленную; слова были на его языке неживыми, неосознанными, и он повторял их, как мрачную скороговорку. – И у меня не акционерное собрание, поэтому обойдемся без имущественного ценза: какая разница, кто сколько насчитал лет этой бесполезной жизни?

- Должно быть, пессимист, - решил Ворконий.

Догмар явно устраивал смотрины, где все заинтригованные и замотивированные неизвестностью боролись за главный приз симпатий ведущего, вследствие чего зверели и задевали соседа; сам Догмар пребывал в нескромности и выспрашивал подробности особо шумящих дурными интерпретациями признаний и намеков. Часу в девятом младший Данаев, сдавленный в плечах братниными ладонями, был представлен обществу.

- Это что за ведьмак? – удивился Догмар, приглядываясь к разноцветным Троевым глазам. Братки его размеренно пили пиво.

- Не надо делать сенсацию, - пробормотал Ворконий, отодвигая зрелище в сторону стула, - это генетическое заболевание.

- Мелочь пузатая! – отчетливо выразился один из стриженных под машинку – тот, что без ирокеза, отрываясь от кружки и обнажая румяное плотное лицо с не слишком умными глазами, но занимательным прищуром.

- В каком смысле? И в каком это месте? – возмутился оскорбленный в родственных чувствах Ворконий.

- Наболевшее с любой стороны видно, - изрек ирокез.

Вероятно, Ворконий сказал бы еще что-нибудь или Догмар украсил бы спор своими замечаниями, но в следующий момент прямо над гребешком ирокеза явилось новое лицо, и Догмар вспылал симпатией, которая лилась из глаз его и не скрывалась от глаз чужих...

Денису Азаренко минуло 18. Он был одним из многих, которые в разгар отпуска вдруг понимают, что ехали и дружили не с теми – в результате откальваются от прежних компаний и прибиваются к каким-то другим, оказываясь там при этом желанными и ожидаемыми! Денис был по-южному темен, задорен, в остальном имел внешность ординарную и выигрывал молодостью там, где проигрывал особой красотой. Он ловко вписался между Догмаром и Ворконием, не связанный с ними ничем, кроме внезапно вспыхнувшего интереса, подогреваемого жарой и замкнутым пространством.

- И как ты управляешься с ним? – тараторил он Данаеву - старшему, указывая на младшего. – Ты молодец!

- А чем тут особо управлять? – возражал слабо Ворконий.

- Ну не скажи! Я бы своего точно не повез никуда!

- А он у тебя с лихвой парень?

- Да вовсе нет! Он у меня за 12 лет столько книжек прочел и столько раз меня поучать брался, что я уже не могу уму запросто скомандовать: «Встал. Пошел».

- Да мой тоже читает. И пусть себе. Нас чем это унижает? А брата ты, кажется, унизил: бросил дома пацана, а сам на Сейшелах?

- А Ворконий как примерился к родительскому тону с первой брачной ночи, так и ходит молодцом. Слушай, старший брат ровесника твоего младшего брата тебе не сын! – сказал Догмар.

Все улыбнулись. А Денис вздохнул:

- «Чего не видел я на Сейшелах твоих?» - сказал мне он. И чего ради родители завели после нас каких-то отличников?..

- А я бы своему так сказал, - горячился Ворконий, - я мужчина, а ты, Трой, мальчик, и такую жену, как моя, тебе не видать, пока три раза вокруг женской планеты не обернешься до начала нового тысячелетия.

- Да она меня на свадьбе обнимала! – вставил брат.

- Это она на родительские чувства нацеливается, - опять глубокомысленно заметил Догмар. Иногда и на семь бед один ответ.

- А ты почему слушаешь взрослые разговоры? – ерзал Ворконий, словно уличенный в чем-то нехорошем.

- Да потому что у вас не акционерное общество! – ответил ему Трой Догмаровыми словами.

И тут братки раскрыли рты. Гоготали со стонами, наваливаясь друг на друга.

- Сейчас от смеха провалятся в Нирвану, - шепнул Догмар. – Отъехали в сторону лужи!

Они отсели из ресторана к бассейну – технично и с фруктами, пустили детей по кромке и вновь остались вдвоем.

- Хочешь прекратить знакомство? – спросил Ворконий про «амбалов».

- А чем они не цельная компания? – уклончиво ответил Догмар. – Знакомство я как раз хочу продолжить, а из бывшего иногда вырастаешь, - даже всегда! Логично вырастаешь. И бывшее станет былью. Никто не виноват.

- Ты был таким, как они? – осторожно спросил Данаев.

- Ведь это уже быль, - ответил Догмар твердо. – Никто не проверит, не поверит, не вспомнит. И они не вспомнят, я тебя уверяю. Случайно или специально забудут – нет пути назад. А только вперед.

И оба посмотрели перед собой, на Дениса с Троем, которые, скрестив руки, скользили по влажным синим плиткам...

- И как он тебе? – спросил Догмар.

- Ты с ним раньше встретился, тебе и спрашивать бы у него про меня, - удивился Ворконий.

- Но, как видишь, произошло иначе...

- Боишься, что он не дорос?

- Не боюсь. Хочу, чтоб дорос...

Грянула приятная музыка. Ворконий зажмурился на солнце. Ему еще была незнакома мода брать друзей на вырост. Чувствовалось в Догмаре нечто титаническое, величественное, торжественное, что вселяло уважение и требовало оставить себя в покое. «Знаем мы таких нежных ребят в громоподобном облики, - запускал Ворконий струю цинизма в свое уважение, - все это веяние классического рока...»

«И что он нашел в нем?» - спрашивал Данаев себя, совершенно не раздумывая, а что собственно Догмар нашел в нем самом. Ответ, тем не менее, нашелся на второй, незаданный вопрос: «А меня он выбрал, потому что я вожусь с мальчишкой, умею обращаться с младшими...»

Три дня бродили они по-сентименталистски около воды из одного края курорта в другой. Песок разъезжался под ногами и принимал в себя их следы. На пляже царил вакханалия, люди нестройно, не в шахматном порядке рассиживались, разминались, раздевали детей – обычная нефотогеничная суетливая картина, на заднем плане которой мятые потные полотенца, шуршащие обертки и средства от переохлаждений и перегревов россыпью... Никакой выставочности, никакой красоты и попытки демонстрации оной, а с другой стороны – и ни стыда, ни задней мысли.

- Да и что красивого может быть в массе оголенных тел! – плескался Ворконий в фонтане своего фанатизма. – Говорят, естественное не безобразно, но вот это совсем не естественно, это нечто площадное... Разумеется, в своих постелях, рядом со своими супругами они смотрятся гораздо симпатичнее...

- Вах! – восклицал Догмар. – А я совсем не наблюдаю площадного секса!

- Конечно, эта девица с нагой грудью, кажется, крепко убедила себя, что она раздета не для секса, но я-то, я-то вовсе не убежден...

- Правильно, ты человек женатый, не смотри!

- Тут и не на что! У меня другие вкусы. А мысли все те же! И здесь я словно укладываюсь в чужие объятия, в которые не хочу, здесь я словно смотрю на то, чего не заказывал... Отчего они все такие толстые?

- Не все. Худые незаметны просто. А у тебя комплексы развиваются вдали от жены. Не пойму только: ты ей патологически верен или наоборот. Но это в сторону. Как же незамутненному ребенку прикажешь на это смотреть?

- Кстати, - оживился претенциозный муж, - ты объясни, почему с детей снимают трусы? С какой радости? Слышишь, Трой, может и с тебя штаны спустить, коли такое дело?

- Себе спускай, - предсказуемо огрызнулся брат, болтающийся сзади, к разговору не прислушивающийся, но на свое имя среагировавший.

- Не подогревай, - бросил Догмар через плечо. – Он, кажется, вовсе на твоей стороне.

- А мужчины... - стонал Ворконий. – Что распрекрасного в их животах?

- А я вот думаю, - перебил его Догмар, по всей видимости, начинающий класть конец этому брюзжанию. – Я вот думаю, не думают ли они все, что у тебя под рубашкой лишай водится.

Он резко остановился и повернулся к остальным. Они стояли перед ним на подбор в белых брюках и черных футболках с изображением огненного дракона на спине.

- Какие-то вымуштрованные вы у меня, ребята! А раздеться - ка всем быстро! По наблюдениям друга нашего Воркония, мы единственные красавцы на этом курорте – кому же раздеваться, как не нам? Или вы обездоленное меньшинство – еще этого не хватало! Прочь драконов, как вам не жарко! Ура!

Все дружно стащили наряды через голову.

- Батюшки, они еще и загорелые. Когда успеваете? Или вы краской для одежды выкрашенные?

- Не сотрешь, - улыбнулся Ворконий. – А что до красоты, мы же еще ничего не сделали, чтобы было реально красиво...

В следующий момент он, действительно, очень круто проносился по волнам.

- Как будто не бывает красоты нерукотворной, - пробормотал Догмар, с ног до головы оглядывающий выброшенного с размаху на песок Дениса...

... Отчего-то не померещились ему тогда кровавые пятна, сползающие по векам – наверное, он был уже слеп? Но даже и другими чувствами не смог он ощутить всю тяжесть земли, что мягко толкается в спину при отливах. Зато вспомнился потом ловкий скользящий по берегу юноша – воздушный, невесомый! – и напомнило странным резким свистом о его природной телесности, и навалилась вдруг вся его боль, словно переданная на расстоянии. Целы были ноги – и вроде не его переламывало пополам бортом катера, но не подняться отчего-то, и ломит в коленях больше, чем на лбу, за который так отчаянно хочется хвататься. Никогда раньше не приходилось выныривать из морской волны, а глаза протирать от крови. И уже давно кануло в пропасть то время, когда несчастный маленький нищий пацан с подходящей по случаю фамилией Вечный вот так же стоял, скрючиваясь и зажимая руками разбитое лицо. Тогда он решил, что на этом мясорубка и кончится. И она прекратилась! Но почему-то началась теперь снова, когда он признанно стал круче всех... Сознание немного меркнет на некоторые мгновения, представляются каскадом мучительные ужасы; он хлопает ладонями по воде и вновь подставляет их к лицу, пытаясь рассмотреть, не разъедает ли кожу – не вляпался ли он в реальную кислоту. Потом судорожно ищет волосы выше лба – лишь бы они оказались на месте.

На секунды он приходит в себя, потом стремительным приступом вновь сходит с ума: Ворконий совсем рядом, куда-то валится, будто еще не успел как следует завалиться; широкой горизонтальной рекой через горло течет свежая артериальная смесь влажного и мокрого. Догмар выпускает себя из цепких объятий своей воли, рушится наземь, уверенно хватает Данаева за шею и запускает руки в его кровь, но она лишь размазывается, и пальцы скользят по гладкой, ничем не рассеченной коже. Теперь становится понятно, что струей бьет из разорванного уха. Сам Ворконий немного оживляется полубредом:

- Догмар, Догмар, что ты делаешь? Ты перестань кусаться!

- Ухо, - шепчет тот, - всего лишь ухо. Я же думал – глотка... Я же думал – навсегда... ВорКон, ВорКон, я же тут совсем про тебя забыл. Нас сколько вообще, а?

Ворконий же дергается во все стороны, суетливо нащупывая руки и ноги; плечо одно, подтянутое к уху, никак не разгибается, деревенеет и нервно вздрагивает.

- Вспоминай давай, - твердит Догмар. – Это авария, так? Больше нечему.

- Не-а, не помню, не догоняю, быстро все, слишком быстро...

Он отдирает, наконец, плечо от уха и встряхивает головой, рассыпая вокруг капли крови, которыми обильно пропитаны отдельные пряди слипшихся волос...

В себя приходят уже на твердых сидучках лицом к лицу; оба, не отрываясь, созерцают друг у друга трепещущие, еще более изуродованные присборенной кожей порезы.

- Неужели я выгляжу, как ты? – говорит Догмар окрепшим голосом. – Черт-те что! Мне плохо вообще. Что я делаю в этой игрушечной клинике, положите меня в суровый госпиталь. Там хотя бы привяжут к кровати, а тут выкинули из операционной практически с открытыми ранами. Эта медсестра - просто вышибала...

Означенная девушка появляется из-за угла и подходит на административный пункт к компьютерам.

- Где тут влетевшие в мангровые заросли? Подойдите заполнять страховку...

Они выстраиваются перед ней беспомощными экспонатами, созданными на поглядение всему персоналу.

- А где ваш туроператор?

Хорошая девушка, только нерусская. Губы слишком толстые.

- Где мой туроператор? – передразнивает Догмар. – Да вы спросите, где мои мозги!

Глаза у нее тоже огромные, ни к чему; неприятно в них отражаться. Он уже готов требовать, чтоб перед ним, как перед мертвецом, закрыли все зеркала.

- Я не понимаю вашего скверного русского, девушка, - говорит он, хотя на самом деле попросту пропустил ее слова мимо ушей.

- Хотите, чтоб я заставила вас мучить тут ваш скверный английский?

- Она со мной еще и заигрывает! Да посмотрите, в каком я виде! Хотя... Какая такая во мне перемена, - перешел он наконец на примирительный тон, поворачиваясь тем не менее к ней спиной и обращаясь к Ворконию. – Я и в жизни чуть глаже обезьяны. А тебя действительно жалко. Твоя жена не из таких, которые бегут из брака со страху?

- Вы как близнецы смотрите сейчас, - отзывается она из-за его спины. По ее тону, это должно кого-то из них утешить. – А вот на вашем третьем нет ни царапины. Ноги, конечно, будут напрягать больше и дольше.

- Что?! Обе?! Я умру сейчас, - и его кулаки едва не разносят ей кафедру.

- Больной, вы, кажется, ранены или только прикидываетесь?

- Точно, точно, - сбивчиво и почти равнодушно, самому себе удивляясь, пробормотал Ворконий. – Он же под низ ушел, а нас поверху. Я как взлетел, так уже и не вспомню больше ничего... от счастья.

Внезапно переломившись в туловище, он возвращается в исходное сидячее положение и утягивает Догмара за собой. Продолжают разговаривать, глядя в одну точку.

- Вот вроде и произошло все, а как подумаю о Денисе, так и маюсь: что же теперь будет?..

- Домой поедем... Что обычно бывает после таких случаев...

- Кончено, это ноги, это финиш. Так я и думал, так я и знал. К чему устраивать эти театры... А ты сиди и молись, что Трояна мы с собой не взяли... Ты бы гроб сейчас отвез, понимаешь ты?

- Да отсядь ты от меня со своими мистическими гробами, ты опасен. Говорят, иногда от удара головного мозга случаются у человека сюрпризы гипнотического искусства. И я нестабильный – поверю еще...

- Раз так, можешь не верить, - усмехнулся Догмар, - но я вижу, как брат твой идет по коридору...

- Уходит вслед за ангельским свечением? – разводит Ворконий риторическую демагогию, близкую к стебу.

- Наоборот, приходит. И правда – очароваться успел кладбищенскими мотивами, - заключил он с досадливой улыбкой. – А я пока в этом мире и сквозь стены не вижу.

Когда воскрешенный в сознании Воркония Трой встал рядом, жизнь приобрела характер суетливой, слезной демонстрации. Что-то надо было говорить или оправдываться – и почему-то младший столбом стоит... (Хотя что тут принято делать, что бы я сделал на его месте?) он ставит брата перед собой, мужественно берет его за плечи и деловито соображает вслух, что надо звонить отцу, который вдругорядь пропашет его домашним веником на сей раз.

- Не кричи, - говорит Трой.

- Гляди-ка, встречает тебя, как врага народа после 15-летней каторги, - вставляет Догмар.

- Как тошно с вами! Почему вы такие неадекватные, нет в вас ни капли добра, ничего святого...

Он все более слабел и пылал – и, по сути, расписывался в своей боли, но все-таки старался говорить о чем-то другом, чтобы откровенно не жаловаться. Еще один равнодушный человек, – искомый администрацией представитель фирмы – с которым и пришел Трой, выписывал их из больницы. Потешно звучали их фамилии из иностранных уст. Когда вывезли Дениса на инвалидном кресле, все смотрели в разные стороны, а Догмар с уже философским спокойствием осилил по случаю пару афористических фраз:

- Кто же я: старик грешный или дьявол? Стоило мне найти радость, как я тут же погубил того, кому обрадовался <...>

... - Здравствуйте, прошу садиться!

Точно в школе. А с другой стороны, как же иначе университетскому препода поздороваться? Даже забавно, что Немеркнувший то ученик, то сам

учитель – и с какой стати нужно обязательно вбивать себе в голову, что это напрягает?

- Тема нашей лекции: «Классификация и теория как система знаний».

Запишем. Йогурт из бутылки допить не успел. Сейчас войдет кто-нибудь запоздавший и будет красться вдоль стенки – интересно, кто же это будет. Сложно даже определить, кого нет, ибо тьма незнакомого народа кругом. И сколько бы было человек, если бы реально сюда каждый дошел, кто должен? Входит Виктор, как ни странно. Странно то, что его отсутствие было незаметно. Он стоит с портфелем позади Сталина Сергеевны и не может попасть на свое место, поскольку она загораживает проход возле самой первой парты, вещает и не слышит, что кто-то зашел. Конфуз складывается бестолковый и совсем Виктору не к лицу. Лист присутствия уже ползет по ряду и замирает возле Немеркнувшего. Под номером пять в нем радостно значится: «Азаренко Артем Асадович». Восторг записывается шестым и передает список за спину. Зачем только люди ставят номера? Чтобы было видно общее количество? А если бы он вместо шестого номера поставил седьмой, сосед стал бы восьмым или проявил каким-то образом чудо прозорливости? А как бы он исправлял: поставил бы второй седьмой номер или шестой, или как? В итоге повернулся, будто хотел спросить соседа об этом, а там... соседка! Да, такая бы исправила ошибку сразу и переписала бы Чмейркова В. Х. точно шестым пунктом. Пока он об этом думал, к нему подошел еще один лист, на сей раз Артемом не подписанный, но точно от него:

«Я чуть было на листе присутствия тебе не черкнул! Как думаешь, что теперь Нормандин делать будет?!»

«Обычно это быстро разруливается», - ответил Восторг.

Виктор покорно пересел в другой ряд.

- Какая же разница между обычными шахматами и божественными? – спросила Сталина Сергеевна.

«Господи, ну и вопрос, - написал Артем. – Ты, главное, помни, что все это так или иначе про куматоид. А куматоид есть «волна». Это фундаментальная теория товарища Розова».

«Какого Розова? – удивился Восторг. – Она вроде сама - Розова».

«Видно, кем-то он ей приходится... А оттого, что не знаешь, так прямо-таки раздрает: ну кем же, кем же... Словом, хотели, наверно, как лучше, не путать работу с личной жизнью, а в итоге только туману напустили. Недаром у нее есть книга «На теневой стороне».

- Шахматы – это, разумеется, метафора, - продолжала Сталина Сергеевна. – Принцип действия обычных шахмат – это принцип доминирования конститутивных правил. Принцип божественных шахмат допускает любой ход, в каждой конкретной партии могут быть созданы новые правила.

«Где-то я слышал, что бог подчинен законам либо судьбе. В конце концов, он не разводил беспорядки, а наоборот, создал гармоничный сад из хаоса», - записка двинулась в сторону Артема.

«Так подними руку и спорь. Отчего же ты не возьмешь слово? Нам, кстати, полагается работать на занятии».

«Вообще-то следовало, наверное, по делу ответить. Послал, в чистом виде! Встану я и буду критиковать их общую с Розовым концепцию? А взамен предложить мне нечего. Что же толку бодаться?»

«Зачем же ты мне написал? Я точно забодаю. А у них времени не хватит».

«Мысли вслух. Но за сценой. Типа репетирую. А на подмости тебе надо выходить – у тебя всегда готовы конструктивные решения».

«Мой конструктив на негатив обычно направлен бывает. А тут мне нечего возразить и поправить. Я проблемы не вижу. Во-первых, у меня нет знакомых с философского факультета, во-вторых, должна же быть, действительно, какая-то разница между обычными и божественными шахматами. А просто так конструктив говорить тоже не могу. Я же не лектор...»

«Был бы ты лектором в другом учреждении, не призывал бы меня высказывать свое мнение вслух».

«А кстати, почему это ты приехал в такое время?»

«Каникулы у детей...»

«Тогда нет смысла прикидываться утомленным и охрипшим. Можешь смело и на полную катушку выступать здесь по любому поводу!»

«Увы! Мне завтра в колледж на три или четыре пары...»

- Эмпирическое исследование близко к принципу божественных шахмат, - подскокил Энний, видимо, отвечая на какой-то заданный вопрос. – А теория близка к принципу обычных шахмат.

«Этот Энний точно первоклашка, везде раскланяется. Ни на семинаре, ни даже на лекции нет от него отбоя. Не говорят гении так часто», - написал Артем; какие свои чувства имел он при этом в виду, бумага не передала.

«Простое рассуждение, - заметил Восторк, - мы бы тоже могли так ответить».

«Будем считать, что не ответили мы принципиально».

- Следующий подзаголовок: «Таксономическая система знаний».

Толкают в спину. Передают обрывок листа от Глафира: «Господа, мне нужны ваши связи!»

- Какие связи? – шепчет Артем. – Разве я замечен в каких-то связях?

- Не все связи бывают половыми, - чужая тупость всегда рада развязать Восторку язык. – О чем думаешь вообще? Напиши ему, с какими полезными людьми ты знаком.

- С кем я знаком? С тобой знаком.

- Со мною ты, действительно, лишь знаком. Поэтому не можешь знать процентного соотношения моих полезности и вредности.

После этой фразы Немеркнувший разом померк бог весть от чего и уткнулся в тетрадь. Артем пожал плечами и принялся простым карандашом перечерчивать с доски схему в виде пирога. Восторк нарисовал контуры зеленой ручкой и стал раскрашивать слои одним цветом, а кусочки – другим.

- Какая красота! – раздался над ухом довольно громкий голос Артема. – Ты, главное, помни, что классификация не существует на эмпирическом уровне, это теоретическое построение...

- Ты мне сегодня уже второе «главное» говоришь, - проворчал Восторк. – Какое из них главнее?

Сталина Сергеевна между тем проводит свои метафорические сравнения:

- «Слои» - это фундаментальные науки, которые задают методы и средства.
«Кусочки» - это таксономические науки, которые задают объекты.

- Чудесно. Логично. Складно. Мне это нравится, - говорит Артем, вертя в руках испещренный их с Восторком записками лист; свободного места для того, чтобы он мог подписаться под своими словами, к сожалению, не находится. Пустые его замечания заглушает реальная слава Энния Наммы.

- Ботаника – какая, по-вашему, наука?

- Таксономическая, - говорит Энний.

- А морфология?

- Фундаментальная, - говорит Энний.

Последний вопрос ставится в связи с проблемой реальности таксонов. В самом деле, отдельные лютики реальны, а вот семейство лютиков – это все-таки теоретическая единица цветочной пирамиды...

До Артема все отлично доходит, и этим можно наслаждаться, но вдруг Восторк начинает непонятно звать к милосердию:

- Я только в пятницу на этимологическом анализе разобрал эти лютики, теперь мне – про лютики... Какие-то уже жутики...

- И чего ты вздыбырился, как шагреневая кожа на морозе? Замечательная лекция. Живописная и со вкусом. Ты просто уже... пере-понял. Ты, главное, ...

Он внезапно начинает хохотать, слегка приглушенный гомоном расходящихся людей.

- Да, ты, главное, помни, что объект можно и должно рассматривать с разных сторон. Пошлите уже чай пить. Где там Глафир со своим малолетним гением? Вот его родственной связи с настоящим вундеркиндом я бы позавидовал...

Ольга стоит в коридоре, подпирая дверь. Несмотря на то, что она близко, ее почти и не видно из-за беспорядочно проходящего народа. Артем вылетает из помещения, как торпеда, вытаскивая за собой вереницей трех друзей; Восторк выходит после них, ни на кого не глядя, приостанавливается на пороге, медленно отрывает тяжелый взор от пола и встречается глазами с Ольгой. Она слегка улыбается углами губ и так же молчит в ответ.

... Познакомились они в середине сентября в школе. Вокруг совсем похоже толпился народ, друг из-за друга не было видно никого определенного, да не было и нужды особенно к ним приглядываться: на коленях открытый журнал, и лохматая прядь волос постоянно падает на страницу, мешая наконецнику стержня выводить оценки, выставить которые все же нужно. Звенит звонок, и все общество рассыпается; он поднимает, наконец, голову и обнаруживает себя на краешке дивана в весьма неудобной позе. Она – девушка в темно-коричневой рубашке – сидит недалеко, но все-таки в аккурат посреди учительской на одном из в беспорядке стоящих стульев, не двигаясь с места и даже не собираясь этого делать. Между ними наподобие решеток спинки еще трех столпившихся предметов четвероногой мебели.

- Как у вас дела? – спрашивает Ольга Вадимовна.

Не хочется отвечать ей стандартное «хорошо»- есть в ней нечто интересное, нечто внутреннее и глубокомысленное, что не всплывает, но угадывается по своим просветам на поверхности: в коротких кудрявых темно-русых волосах, в голубых глазах, в приятной улыбке, в красивой форме губ, особенно идеальной в той самой улыбке, и даже в коже, почему-то особенно на щеках. И глядя на нее, как под гипнозом начинаешь думать, что она действительно спрашивает о делах, а не о летней погоде в раю.

- Обнадеживающе, - говорит он ей. И обнадеживает сейчас в большей степени не своя жизнь, а сама Ольга – хотя в каком отношении она его так бодрит, вопрос также глубокомысленный, интересный, но захороненный внутри не располагающих к раздумьям комфортных чувств.

- А кроме работы чем-нибудь глобальным еще занимаетесь?

- В аспирантуру поступил на днях...

- Дааа?.. – она просто расцветает на его глазах, хотя он был уверен, что она абсолютно невозмутима.

- У нас появляется шанс увидеться еще и еще... Не перейти ли нам на «ты»? Мы уже дважды коллеги.

Удивительно она говорит, нараспев как-то, завораживающе – но не по-женски, не жеманно, напротив же, безличностно, всеобъемлюще, как глас с неба.

- Я геолог по первому образованию, - звучит так же тихо, спокойно, будто в собственных ушах. Он полностью разворачивается в ее сторону, начиная растворяться в ней, и бороздит ее глазами, хотя, по своему представлению, конечно, ласкает. Трудно сказать только первое «ты» - дальше все клеится лучше прежнего.

- Если так все совпадает, то совпадет, вероятно, и до конца. Ты ведь в Харьковском Государственном учишься?

- Я там даже живу. В окрестностях. В общагах. Впрочем, ты там же, может оказаться, живешь...

- Да как-то нет, я в центре. Живу... Ночую...

- Но в университет ты сегодня, конечно, приедешь?

- Конечно, приеду.

- Тогда, как приедешь, сразу ступай в читалку. Очень интересно посмотреть, что ты такое вне школьных стен.

Он вдруг улыбнулся, хотя и в своей невозмутимости был уверен до сих пор.

- Вот и улыбнулся, - говорит Ольга. – Кстати... улыбка у тебя тоже приятная. И форма губ красивая...

... - О! – кричит Артем из отдаления. – Что же вы, Ольга Вадимовна, лекций не посещаете во внеурочное время?

- Это время и для лекций оказалось неурочным! Я решила, что будет лучше почитать книги.

- Зря. Нам рассказывали про божественные шахматы. А ты теперь не услышишь этого больше...

- Кажется, я об этом еще раньше слышала...

- Все новое – хорошо забытое старое... Ты, наверное, и нашего Вико Нормандина продержала в читалке? Как он от тебя вырвался?!

- Отнюдь. Не видела я вашего Вико. Если только он не сидел за стенкой, в буфете.

Смех Виктора был ответом им всем.

- А скажи-ка, Оля, - продолжал Артем, хищно подходя ближе, - не ты ли настропала Восторка? Он мне сегодня всю лекцию что-то твердил про бога!..

- Слушай, - встрял Немеркнувший, - ты перестань выделываться перед Ольгой, мною прикрываясь!

- Действительно, что он выделяется, - поддержала она, - вы для меня все равны и все на одно лицо. Как братья!

- Я даже знаю, на чье лицо! На Восторково! – победоносно бросил Артем в лицо Восторку же.

- Да, - изрек Восторк скептически, - нас называют близнецы... Я работу напишу: «Азаренко Артемка как бледная копия Чмейркова В. Х.»...

- Смотри, что у меня для тебя есть, - спохватилась Ольга, выныривая из рюкзака.

Восторк машинально принял в руки обычные печатные листки из книги, страницы с 41 по 44 и с 77 по 80. На одной из них он прочел следующее: «Но что же собой представляют эти так называемые понятия, которые Чейф с такой легкостью обнаруживает в собственном сознании путем интроспекции. (Почему без вопросительного знака?) Каков способ их бытия? На этот вопрос мы получаем достаточно определенный, хотя и несколько обескураживающий ответ. Что же касается понятий, - пишет автор, - то они находятся глубоко внутри нервной системы человека. Можно предположить, что они обладают какой-то физической, электрохимической природой, но пока мы не в состоянии прямым образом использовать этот факт в лингвистических целях».

- Мне это зачем?

- Не знаю, - развела руками Ольга. – Но для чего-то же вложили в книгу второй экземпляр этих страниц.

- Вы меня очень обяжете, - зашел Артем с другой стороны, - если мы все сейчас же отправимся чай пить. Восторк, шевели ногами, тут не скользко. Пожалей хоть девушку, кажется, она действительно не в буфете провела этот

час. За тебя-то я не беспокоюсь, я ведь знаю, что ты делаешь под столом на паре...

.....
..... Она всегда одинаково отвечала из-за двери: «Это я, - Аня...» Жила она чуть дальше от школы, чем он, поэтому всегда заходила за ним. Однажды она опоздала и догоняла его уже на улице, размахивая руками, нагибаясь под тяжестью рюкзака, который она старалась поудобнее взвалить на спину. Ее огромная белая шапка, белые рейтузы и ботинки в звездочку потрясающе смотрелись на фоне снежной дороги. И видел он ее, обернувшись, будто в замедленных съемках – смотрел продолжительно долго и заворожено. Кроме того, она была блондинкой, - миловидной блондинкой идеального образца; таких девиц, только взрослых, по телевизору часто показывают.

- Знаешь что? – выпалила Аня, подлетая к нему. – Я решила сшить рубашку на мальчишку...

- На какого мальчишку? – удивился Артем.

- Ну... на тебя, - чуть запнулась она, обычно словоохотливая и прямолинейная.

Увлечение ее шитьем, о котором он узнал недавно, удивляло, а то, что она умеет кроить мужские рубашки, поражало тем более. Одежда у нее была лучше всех – и сплошь фирменная. Четыре года они учились, не особенно обращая внимание на внешний вид друг друга, но с тех пор, как в пятом классе появилась она, все сразу оценили: Аня Семенова богатая, у нее родители купили квартиру в новом доме... У нее пенал с двойным дном, со встроенной точилкой, с автоматически открывающимся ящичком для стирательной резинки... И все девчонки побежали в магазины закупать такое чудо. А потом ублажались мальчишки, бегая на переменах по рядам и нажимая кнопки на всех этих пеналах.

У Ани были журналы с наклейками из серии «Барби», или «Синди», или «Том и Джерри»... И все быстро сообразили, сколь азартно это мероприятие, и впоследствии менялись и менялись этими стикерами, одноразовыми, многоразовыми, с объемным изображением – на манер того, как мальчишки добывали новые вкладыши Turbo по бартеру на старые.

Были у Ани, наконец, разноцветные пластмассовые пружинки, в которых постоянно одно кольцо цеплялось за другое, а Семенов-папа славился тем, что отлично их распутывал...

В какой момент эта Аня вторглась в пределы его собственной жизни, Артем пропустил, запомнил. Кажется, только им двоим было домой по пути, остальные сразу от крыльца поворачивали налево, или шли прямо, или к домам за школьным садом. Потом ей стало скучно ходить одной и до школы. Один раз не было в туалетах воды, - она визжала от счастья и затащила Артема к себе домой играть в куклы. Диалога у них тогда не получилось, зато они на протяжении трех часов переставляли по столу игрушечную мебель и переодевали Барби и Кена. Все костюмы Аня сшила сама, но чего стоили одни материалы! – сплошь французские.

- Так ты станешь моделью? – продолжала Аня. – Ты ведь красивый, тебе здорово будет в моей рубашке. Мы осенью на трудах фартук сшили, а теперь просят ночную сорочку. А зачем мне она, я хочу сделать что-нибудь полезное.

- Лучше бы сшить рубашку Трою, - пожал он плечами. – Он красивее.

- А что Трой? – равнодушно отмахнулась мастерица. – Он уже ушел из нашей школы.

- Он вернется, - горячо возразил Артем, - он всегда по полгода учится в Житомире...

- У него родители развелись?

- Нет, - ответил он просто, но поморщился; размышления о разводе посещали его в связи с собственными родителями.

Вот так, двенадцати лет отроду, спустя месяца три после этого разговора, ученик 5А класса оказался на подиуме в актовом зале, сверкая красотой ярко-желтой рубашки с вышивками... Аньке выписали приз, оvation и слава нашли Артема. С этих пор он болезненно прислушивался к любым девчачьим разговорам о шитье. Отчего-то на всю жизнь запомнилось, как крошечная Катя Воробьева плакалась перед классной руководительницей:

- Как же меня будут мерить? Это очень больно?

- Нет же. Это совсем не страшно. Снимешь кофточку, тебя и измерят, - отвечали ей.

- Мяу, мяу, - жалобно пищала Катя. Впору было бы улыбнуться – и ведь не получалось, так было ее жалко, умела она вызывать к себе такие неконструктивные, бесполезные чувства. Он сам к этому времени прекрасно знал, что есть мерки. Анька лихо снимала с него различные полуобхваты и умудрялась вычертить по этим странным данным цельную полноценную фигуру. Результат вовсе не смотрелся корявым и однобоким, но в момент замеров реально казалось, что его разбирают на половинки. Кроме того, метр вызывал на теле щекотку – и они так смеялись однажды, так смеялись, что обнялись...

Но уже в следующем классе они перестали ходить друг к другу просто так в гости – Аня сделалась одержима лучшими подружками. Целый год она протаскала за собой Олесю Скрамжевскую, которую было очень жалко в конце, поскольку ее променяли на Лену Крепс. Но более всех жаль было все ту же Катю Воробьеву: именно с ней раздружилась Олесья ради Аньки. Вот так все печально. Вроде мелкие девчонки, а страсти накалили как во взрослых сериалах. Но ведь это не брак, а так... Спрашивается, разве не может быть в женских компаниях три или даже четыре девочки?

Впрочем, все это никак не отражалось на его рубашках – ему по-прежнему все шилось и дарилось, что вызывало непонятливые возгласы отца и снисходительный восторг Селены по поводу такого внимания к ее сыну. Он мог рассиживаться в кабинете технологии прямо верхом на столе, пока Аня строчила на машинке с ножным приводом. Там от безделья рассматривал девчонок – и потому что он был с ними наедине, без других собратьев, казались они ему чуть ли не раздетыми, и представлялось, что он за ними подсматривает. Классе в седьмом он уже подступил к матери с вопросами:

- Мам, как ты думаешь, они уже используют прокладки? Мне кажется, грудь у многих стала совсем большая.

- Ну что ж, - ответила Селена, - в 13 лет действительно пора...

- Неужели и у Аньки тоже?

Селене Станиславовне почудился испуг в этом вопросе, и, не понимая этого страха, она пожала плечами:

- Получается, что и у Аньки...

Он вздохнул и продолжил, гордо глядя в стену:

- Почему их называют нечистыми?

- Это же предрассудки, - воскликнула Селена, - здесь ничего нет плохого.

- Но как же, - возразил он, - их «хозяйство» - это же конец...

- Что значит «конец»? – удивилась она. – Сначала они становятся девушками, а потом, родив ребенка, женщинами...

- Да ведь это же некрасиво!

- Что именно?

- Грудь большая висит, как жир, а прокладки – заполненные кровью, как в больнице!

- Так, как ты описываешь, действительно, жуть, - покачала Селена головой, - но люди стараются меньше обращать внимание на неприятные моменты, тем более что они естественны. А тебе, вероятно, еще не дано ценить женскую красоту. Сидишь и слепо оскорбляешь их сейчас.

- Нет, мама, мне не еще рано судить, мне уже поздно перевоспитываться.

Тут она отложила все свои дела, задвинула ящики, в которых протирала, и уселась за стол напротив Артема, обратив на него все свое внимание – разговор становился уже затянутым, и следовало сделать последнюю попытку свести его в шутку, в болтовню:

- И что ты все о прокладках волнуешься, какое они к тебе имеют отношение? Я думала, ты другие будешь задавать вопросы: о себе, например, или о женской любви...

- А мне все понятно про себя и про любовь, - он воспроизвел ей небрежно-успокаивающий жест. – Для меня их анатомия – конец... И никогда... И ничего общего ни в чем... - тут ладонь снова скользнула по горизонтальной траектории. Внутри, голосом второго зодиакального близнеца, звучало другое, наполненное более значимыми словами: «Надоели мне прокладки и кровотечения, надоело все то, что уже убило меня, смыкая для тебя узкий лаз во взвешенное успокоение». Но блуждающим тем словам никогда не дано было выйти наружу из захлопнувшегося сердца.

Впоследствии, измученный совершенно половым вопросом, он, сидя все на том же столе и глядя пристально на Анькин бюст, кажется, на глазах увеличивающийся, - принялся-таки пытаться ее саму:

- Аня, я давно хотел спросить: ты уже стала девушкой?

Она не выразила ни чувства неуместности расспросов, ни возмущения, а ответила прямолинейно, как всегда.

- Да, конечно. Еще в апреле.

К нему приткнулись комья наскоро слепленного классического страдания. Он будто потерял ее...

В 9 классе Ане не понравилось всепоглощающее внимание Артема к Трою:

- Как его нет, ты снизойдешь до кого-нибудь, а стоит ему приехать – так растет трава на прежней были!

Почему-то это обстоятельство вдруг послужило поводом для вычеркивания его из списка клиентов, но не помешало ей проявить яркий интерес к Трою, который по приезде своем отвечал Артему полной взаимностью и обособлялся ото всех ничуть не хуже. Каким уж там образом, но Аня наваяла Трою полный деловой костюм из серой блестящей ткани. Артем к этому отнесся никак; отчасти потому, что ему самому было более свойственно отказываться от предложений, а Трою – соглашаться, ничего не давая взамен. Впрочем, даже в такой ситуации он ничего не потерял: костюм, пусть и не столь блестящий, ему все-таки сшили. Маленькая Катя Воробьева благодаря этому поступку довольно заметно выдвинулась из теневой стороны своей жизни, хотя уже и до этого начала гордо выставлять вперед примечательно округлившуюся грудь. Подвиг ее в деле приобщения к себе Артема можно считать неоценимым или случайным, поскольку в это время он уже становился человеком, резким в суждениях и беспардонным в определенных вопросах, а настроение взгляда его меняло одно неприятное свойство на другое: вместо назойливого всматривания демонстрировал он выражение глаз равнодушное, что свидетельствовало о прозрачности и безличности для него мира и всех вокруг. Стать вновь моделью он согласился, чтоб полюбоваться на причины Катиней смелости, не спрашивая напрямую, и потому что стоять на сцене рядом с Троем хотелось больше, чем ранее

одному. В итоге никаких существенных перемен в ее характере он не нашел – только проступили на ее лице краски глупой влюбленности, пока она снимала замеры почти с обнаженного тела.

- Костюм – хорошее начало для дружбы, - говорила про нее Селена. – Видишь, истинный женский интерес проявляется в свое время...

- Это уже лишнее, - морщился Артем. – К чему это? Я поступаю в лицей, и зачем мне дружбы на стороне? Сейчас нами больше владеют интересы, а не люди...

Подобный же разговор состоялся и у Артема с Троем:

- Эти ее махинации с костюмами говорят только о том, что она заинтересовалась тобой по-новому, по-женски; ты для нее уже не какой-то мальчишка, живущий рядом, как я. И тебя же она ко мне приревновала...

- И какая мне разница?

- А я думал, ты примешься дружить с Анькой теперь...

- Еще с какой радости? Мы же поступаем, голова другим забита. За костюмы, как говорится, спасибо – они нам действительно пригодятся. А дружить уже потом и уже там...

Но дружить в лицее было не с кем, и юношеские годы прошли в досаде на другую Анну – Хрусталеву <...>

... С утра дорога в колледж была длинной, утомительной, обычно еще и дождливой, пробирающей холодом сквозь машину. Кроме того, по пути насчитывалось много поворотов, а также пробок, пробравшись через которые, он всякий раз изумлялся: что только служит их причиной? Но притормаживать приходилось через каждый метр, глаза подло слипались, несвоевременно обещая превратить скучную реальность в посредственный сон. «Если бы я ехал на автобусе, то спокойно бы сейчас спал или читал книжку, - говорил он сам с собой, пристраивая учебник по теории коммуникации под локоть на руль. – Вот возьму и прокачусь по проезднему в следующий раз, а то убийство одно тут в одиночестве, хотя, конечно, машину в такой толкучке вряд ли разобьешь – только заднюю колонну дольше продержишь на дороге. Интересно, сколько там уже уснувших впереди?»

Принятый в июне по срочному трудовому договору, он уже работал летом, принимая экзамены по русскому языку у абитуриентов. Тесты проверяли всегда в паре с Людмилой Владимировной или Марией Михайловной; обе были замечательные женщины, настоящие товарищи, обе вызывали в нем уважение и преклонение; обеих устраивал он – работа, таким образом, спорилась, и даже корочки в университете он получал, подъехав к обеду со службы. Но групп к учебному году не добрали, поэтому вместо русского языка пришлось взяться за гуманитарные дисциплины, какие только нашлись в приложении к его диплому. В конце августа, в последний момент, забрезжил центр развивающего образования «Умка» с беспризорной по случаю чьей-то беременности началкой...

Здание радиотехнического колледжа очень нравилось ему, было оно старинного белокаменного образца с резными колоннами в холлах, высокими потолками, деревянными широкими перилами на лестницах... И более всего – скрипучие полы и узкие окна. Каким-то образом все это бодрило, даже согревало и в то же время подтягивало до рабочего состояния и чувства торжественности, важности происходящего. В аудитории таких заведенийходишь, действительно, как в храм науки – кафедры, стол преподавателя на возвышении, плакаты на стенах. В таких местах чувствуется преемственность времен – здесь могли учиться и мы сами, и наши родители, а теперь мы тут работаем и смотримся на фоне славного прошлого старше и лучше. Лично он чувствовал себя немного знаменитым. В «Умке» все обстояло иначе: школа была открыта не в 50-х, а в 90-х годах; в кабинетах не чувствовалось уважения к чему бы то ни было, особенно после 5У в классе оставался срач, и тошно было появляться на пороге. Конечно, полы здесь уже не скрипели, и стены не давали трещин, - но властвовало здесь и не время, а люди, которые не жалели того, что и не следовало жалеть, и подобно героям знаменитой пьесы ломали стулья в честь Александра Македонского. В колледже же больше бросались на личности вполне конкретные и не такие безответные, как предметы мебели.

Он по обыкновению своему подъезжал часам к 8, раскланивался с бабушкой-вахтером, брал у нее ключи от преподавательского гардероба, потом отпирал аудиторию 217, совместную с Людмилой Владимировной, и лазал по шкафам, рассматривая учебники по русской речи советских лет. Отучившись на гуманитарном факультете в окружении ученых женщин и даже сам сделавшись преподавателем, он с преувеличенным любопытством взирал

однажды в учительской на действия поседевшего доцента, который из огромного, высотой до потолка, шкафа выгребал связки объемистых серых папок.

- В кабинете уже некуда складывать, - добродушно пояснил преподаватель, - храню здесь. Все шкафы общественные занял.

Восторк тем временем рассаживался на черном кожаном диване с двумя книжками и тремя листами бумаги...

- Погоди, - пыхтел дед, - накопишь столько же. Хотя, честно говоря, половину можно уже и выбросить, начать, как говорится, жизнь с чистого листа.

- А на занятиях тебя уже проверяли? – продолжал он доверительным тоном. – Ты не робей! Когда я был молодым, кто только не сидел на моих лекциях! Завхоз только не ходил!

На первой паре Восторк всегда принимал группу 247, около тридцати девушек. Черт бы побрал это раздельное образование! Почти всех пацанов нового набора он знал по именам – здесь же не пытался запомнить и фамилий. Заходили они пестрой толпой и разлетались после, как птицы, неузнанные и оставляющие смутное впечатление, что «где-то я уже видел эти лица». Тема сегодня плановая – «Язык письма», по материалам Алана Пиза. Пишем дружно заявления, просьбы и жалобы. На первой парте у окна сидит Наташа Дегтярева, копия Эми Ли, предмет восторженной страсти. В кольцах с черепами, со стрелками на глазах; иссиня-черные волосы, белоснежная кожа... Как же мы похожи... - но поглядывает все равно насмешливо! Солистка рок-группы с экрана не так смотрит. И голоса у них с певицей сходны: действительно, как Натали защищает свои авторские права – это отдельная песня! Рядом с ней ее измолчавшаяся подруга – Валя. Просто удивительно – запомнить-таки имя подобной немой особы. С другой стороны, чего не сделаешь ради любимой девушки – запомнишь даже отчества ее приятельниц! На второй парте восседает длинноногая Мельник. Запомнилась она тем, что внешность имеет богемную, а работы сдает умные даже чаще, чем через раз. Где-то на последних столах ютится отличница Чернова (имени не помню, возможно, Татьяна), фамилия ее вполне соответствует внешнему виду – вечно она завешана густыми черными волосами; ни глаз, ни ушей – ничего не разглядишь. Пишет тоже исподтишка и как в журнал – задашь две страницы,

принесет полтетради. На втором ряду масса какой-то прелести, одна другой лучше, но лучшее – враг хорошего, и когда не знаешь, на кого смотреть, ни на кого и не взглянешь, а отведешь глаза в сторону. В третьем ряду на второй парте – Гудкова, притча во языцах. Ничего из себя не представляющая, серая, прилизанная, мальчишевского обличья, она дружит с общепризнанным красавцем. Восторг его знает – сам принимал. Но как Гудковой удастся быть столь соблазнительной, поражается даже Людмила Владимировна. И рядом с сей легендой в углу у самой стены от звонка до звонка глядят на него исподлобья глаза Оксаны Христофоровой... Тоненькая девочка в деловом костюме, взгляд бархатный, спокойный. Очень напоминает она Ирину Тарасову, которую знал он еще в университете, даже любил тайком лет пять, но никогда не допускал мысли, что может у них что-то срастись; закрутился, завертелся, а после защиты все лето думал – может, не случайным был взгляд, который он поминутно ловил на себе? И тоскливо плыли в памяти образ карих глаз из-под темной низкой челки... Теперь молоденькая студентка смотрит точно так же, но ведь если настоящий мужчина решил что-то забыть – это конец, прошлое не вернется...

Все, что они пишут, им неинтересно, хотя можно попытаться их разговорить. Где в современной жизни понадобится может навык письма? Когда же, действительно, остается только писать – и от этого многое зависит? Полгода всего прошло с тех пор, как Ольга Бахарева защищала дипломную работу по языку и стилю SMS. Теоретические выкладки ушли мимо, вытесненные тезисами из собственного сообщения, но раздаточные материалы с иллюстрациями привлекли внимание; само собой подразумевалось, что все примеры взяты из личной переписки автора с Аней Молдовановой, одна из фраз даже запомнилась: «Если будет плохо, поколоти подушку под песни *Prodigy!*!» Исключительно это обстоятельство повлияло на то, что он скопировал впоследствии альбом данной группы у Артема с жесткого диска. Послушать *The fat of the land* было приятно, но ассоциация с хрупкой Бахаревой казалась теперь неоправданной и ненужной. Трудно судить, питал ли он к ней какие-то определенные чувства, но был немало удивлен тому, что отношения отличников и отличниц – это целая проблема. По словам близкой ее подруги Маши, Ольге всегда сопутствовала стопроцентная удача, которая позволяла гулять во время подготовки к экзаменам и преподавать детям физику в 17-летнем возрасте. В голове это все не укладывалось и злило, потому что собственного времени ни на что не хватало. К третьему курсу она,

на вид 14-летня, нашла парня, внешне еще более молодого, и совершенно выпала в детство в связи с бесконечными поглаживаниями любимого по голове...

- А я знаю, - перебила его мысли сладколика прелесть по фамилии Колесникова, - важно заинтересовать своим письмом собеседника на сайте знакомств!

- И действительно, вот что писать, чтобы от конкуренток отличаться? – поддержали ее.

- Даже одну и ту же мысль можно выразить разными словами, - заметил Восторк. – Когда вы друг у друга не списываете, я реально получаю тридцать разных сочинений на одну и ту же тему...

- Да кто там будет смотреть на стиль изложения, я вас умоляю, - воскликнула Натали. – Там содержание главное, факты, конкретика... А многие столько слов говорят, тумана наводят.

- Тогда о чем раздумывать? Пишите правду, каждая из вас уникальна. Но начинаете строить из себя идеальную личность, которая в обществе стереотипна. Только представьте, вы называетесь студенткой коммерческой академии, а получаете ответ, что с такой умной ваш знакомый не потянет! И вы кусаете локти, будучи как раз слушательницей вечерних курсов шитья.

- Да создадут новый ящик для почты и общаются по новой, - предположила Катя Мельник.

- Это при условии, что с первого адреса ты не отправляла своих фото, - ответила ей Наташа, не оборачиваясь.

Нашлись в их рядах и гордые особи, демонстративно выказывающие отказ от задачи:

- Да зачем к кому-то набиваться? Поместите свои объявления – и толпы несчастных и страждущих повалят к вам...

- А я бы на вашем месте вообще не думал ни о каких конкурентах. Вы рискуете подсесть на обсуждение их с новым знакомым, поскольку будете спрашивать, кто еще написал и что написал. Надо выяснить, чем интересуется ваш виртуал, а потом искать точки соприкосновения.

Одновременно заговорили с разных сторон, полезли Восторку в душу:

- А что вам понравилось бы в письмах?

- Я же вам еще раз объясняю, - возражал Немеркнувший, - что нравится одному мужчине, может не понравиться другому. Кстати, между мной и товарищами на сайтах вообще огромная разница.

- И вас нет в социальных сетях?

- Я, конечно, понимаю, что сейчас и младенец уже сидит в интернете – но вовсе не обязательно увлечение слепыми свиданиями продлится до старости. А я вообще не терял никого, чтоб находиться в поисках. Вы правильно отметили: личная жизнь за компьютером – удел скучающих, несчастных, разочарованных в чем-то истинном людей.

Словно от душераздирающих взглядов Оксаны Христофоровой начинает визжать телефон на столе. Немеркнувший отвлекается и, забыв в очередной раз обратить внимание на Оксану или хотя бы на ее взгляды, отправляется на третий этаж – очевидно, там начались беспорядки, о чем и сигналил ему Мария Михайловна. Двери 306-й аудитории распахиваются перед ним. Все 17 РАТовцев становятся на ноги в проходах. Некоторые из них повисают над столами так низко, будто уже заранее стоят на коленях.

- Дедковский, Дороганов, Рокасов, - привычно и с алфавитной точностью выкрикивает Восторк Христофорович. Группа в большинстве своем присаживается, означенные лица остаются переминаться с ноги на ногу.

- Готовность к занятию где?

- Они учебники сбросили во двор, - торопливо говорит стоящая в углу и почти прикрытая доской Мария Михайловна, словно опасаясь, что троица в самом деле раскроет рты.

- А если я попрошу книги через окна вернуть на место?

Начинается дедовщина. На лице Медора Рокасова написано очередное жестокое разочарование: единственный нормальный взрослый друг на глазах превращается в обычного классного разводилу. И непонятно, как не доводить до этого, если ты всего лишь попытался пожить личной жизнью!

- Или проще сразу в дверь и навсегда, дорожку нам расчищать каждое утро перед колледжем?

- Можно остаться? – говорит за всех троих Кирилл Дороганов.

Дедковский, имеющий возвышенно-поэтическое восточное имя Дастан, реально достал всех своей низостью – и надеется теперь лишь на свою неземную блондинистую красоту.

- Значит, русский язык я сейчас проведу! – сурово обещает Немеркнувший.

- Ой нет, - роняет З. Самарко на первом ряду. Впрочем, он всегда говорит не то, что думает. Оддин Селеванов старательно изображает из себя ученика и прячет свои чрезмерно сочувствующие преподавателю глаза.

И вот уже виноватые идут по коридору на выход поднимать «Культуру речи» - Восток командует им вслед:

- Книги сдадите в библиотеку, а завтра принесете свои. Вместо тупого бродяжничества после обеда пройдется по книжным магазинам...

.....
..... Вторая четверть не заладилась. Вводные занятия по трем новым дисциплинам отошли, и адреналин им под кожу вводили уже как взрослым. Катя Воробьева самодовольно сидела на третьей парте второго ряда напротив настенной таблицы химических элементов. Под Менделеевым около доски подобного самодовольства убавлялось, но ее сегодня не спросят – получила за контрольную слабую ли, сильную ли, но пятерку. Тамара Георгиевна пыталась свою удачу на всех подряд: вызывала и садила, некоторые до доски дольше шли, чем оставались подле нее. И даже Артема, через раз угадывающего на пятерки, не смела она удерживать дольше одной минуты. Не успел он высказать первое свое соображение, как учительша поморщилась:

- Садись, Чмейрков. Пусть Данаев решит.

- Пусть Артем решит! – воскликнул Трой обратным эхом. Решение давно было в его голове, а солидарность еще раньше. Катя занервничала, принялась решать в тетради – кроме отличников уже все перебивали в ответчиках. Тамара Георгиевна, грузная женщина в черном, с высокой огненной по цвету прической села, отвернувшись к окну, видимо, в состоянии легкого

недоумения. Артем, практически силой оставшийся на месте, минут через десять задачу все-таки решил, краснея и спиной чувствуя взгляд такого же краснеющего Троя...

В кабинете физики пахло большей торжественной расправой, Тамара Гавриловна была еще старше своей коллеги – не сказать, что грузнее. Катя уже рыдала над своей тройкой за четвертную. Артему хватило бы уже и этого – как реагировать на двойку, он еще не придумал. В Троевой тетради против обыкновения стояла четверка, свою собственную в раскрытом виде с «хотя бы тройкой» он принял на обмен из рук друга. Чужую работу всегда легче открывать после проверки – и они этим пользовались. Никому уже не лезла в голову последняя лабораторная, которую они записали почти под диктовку. До конца урока предательски тряслись руки, и маленькие гири, которые нужно было пинцетом доставать из коробки, градом валились с чашечек весов. После объявления четвертных оценок грохнулись и сами весы. В лаборантской. Где он пытался поставить их на полку рядом с другими. Чашечки были подвешены на лесках, все друг за друга зацепилось и рухнуло оземь. Гавриловна явилась в дверях и прогнала его. Впрочем, это было не удивительно, его она всегда гоняла не за безделье, как остальных, а за дело. Летом на практике он в одиночку драил до усталости весь пол, а она нашла потаенный грязный уголок и не поставила ему даже пометки о работе. Ладно, весы он действительно спутал. Хотя и это не удивительно после нынешней нервозности. Удивительным было другое – четвертная тройка по физике!

Вторую выставили по черчению. Мама – инженер-чертежник!.. В кого только он уродился таким? Ах, как не хочется вспоминать в этот момент, что у тебя еще отец имеется. Поглядеть бы ей в глаза, этой Наталье Михайловне Штанько, которая называла их «сундуками», немного косила взглядом и, как оказалось, выставяла корявые отметки. Пройти бы в ее кабинет да поймать бы ее взгляд хоть в какой-нибудь наклонной плоскости, но он продолжает сидеть в душном маленьком классе, где занимается английским языком слабая подгруппа; стульев на всех не хватает, сидят с Троем на одном, дневники держат на коленях, а молоденькая англичанка-классная (До чего же мила! А маленькая ее дочка еще более прелестнее) со скоростью света диктует оценки, едва успевая соотнести фамилию с цифрой на строке; при таком темпе невозможно не только сочувствовать, но и вообще понимать, у кого что стоит. Наверное, никто не уразумел, что у него два «косяка», хотя в дневнике весь столбик аккуратно смотрится; вторая тройка получилась

вообще остренькая, красивая, прямо чертежным шрифтом... И есть у тройки даже положительные ассоциации – и друг Тройка, и квартира номер три, куда брести теперь с тяжелым сердцем. Начинается за окнами темный вечер из серии предновогодних, зимние каникулы можно считать открытыми – а как теперь расслабишься, когда понимаешь, что вряд ли ты заслужил отдых...

- Что случилось? – воскликнула Селена, едва он появился на пороге.- Я даже испугалась. Не избит, не искусан, не ограблен... Ты плакал?

- Плакать тут заколебаешься, - выдавливает Артем и быстрым взглядом отмечает, что в квартире они одни. Где же Олег, где этот великолепный мужчина, который прожил с ними четыре месяца и которого при всей радости не поворачивался язык назвать материным любовником, хотя в открытую ночевали они вдвоем в одной постели – и лежал Олег на месте отца, где же еще...

- У меня две «удочки», ма!..

- Дебют! – оценивающе замечает Селена, присаживается и садит его напротив.

- У меня ведь по устному пятерка, тройки только за письменное – все вместе получается «четыре». Почему она сделала перекося в сторону письменных? Она просто скопировала оценки за контрольную в соседнюю колонку, она даже не считала все баллы...

Рассуждал он с горечью, но относительно спокойно, поэтому Селена Станиславовна попыталась предложить ему иные точки зрения на ситуацию:

- Я полагаю, Тамара Гавриловна – опытный педагог. Вероятно, она считает, что практическое применение знаний важнее.

- Незначительные данные, мама, не надо отражать в важном документе. Как у нас было в началке? Нужные оценки ставили в журнал, а дополнительные просто так стояли в тетради за классную работу.

- Как я понимаю, спорить с учителем ты не пошел. Значит, отношение у тебя к ней тебе одному известно, как и у нее определенные виды на тебя. Стало быть, все остается как есть. Остальное уже напряги. Предлагаю расслабиться назло всему, тем более что ничего и не происходит.

- Как будто не достаточно того, что произошло, - твердит он упрямо и недоверчиво.

- Это же не процесс в динамике, никто не просит драить люки, пока не поздно. Оценки остались в школьном деле, после исправишь. Пока свободен!

- Как ветер, мама. Сейчас уедет Тройка в свое небытие, а исправлять одному тяжело...

- А у Тройки тоже тройки?

- У него четверка по физике. Теперь он не отличник, а я даже не хорошист.

- Не будем, действительно, заносить промежуточные результаты в глобальные итоги. Как ты занимался, я видела; что получилось – понятно. Я тебя приму любого. Перед отцом тебе не оправдываться – об оценках он тебя и не спросит...

На слово «отец» по привычке появилась болезненная реакция, захотелось поежиться – и он быстро спросил, чтоб уж сразу до конца разобраться:

- Мам, Олег где?

Когда произносилось между ними это имя, Артем сразу становился равным своей матери, значительно вырослел в ее и своих глазах. Селена начинала робеть и сама теперь была склонна к оправданиям:

- Тёма, он, наверное, не придет больше...

Он берет ее за руки, морщит лоб и заглядывает матери в глаза:

- Не слишком ли вдруг? – голос, несмотря на внутреннее неприятие, звучит напряженно – что там могло случиться?!

- Я встречалась с твоим отцом!

Не может быть... Хоть бери и солидарно с Олегом уходи из дома.

Давно ли отошли те времена, когда они с матерью вырывались из-под гнета законного брака и бежали к Олеговой машине марки «Тайота-Креста», не думая о том, что будет потом. Об этом не хотелось вспоминать – и получалось! На несколько часов они были свободны, любимы, счастливы. А как забыть тот великолепный день с посещением цирка! Действительно, думали – останутся приятные воспоминания, а в голову лезет папашин псих, потасовка в дверях подъезда... Они пешком шли с начала массива, чтобы не

светиться с кавалером около дома, но отец благодаря собственному воображению знал все и больше, сразу схватил Селену за оборки вечернего наряда и орал: «Где этот белобрысый урод?» Мама за платье испугалась, не верила, что он способен ее убить – но Артем-то все видел со стороны... А потом бродили кругами по пустырю как мужчина с женщиной; сын мерз и занимался бесполезной терапией:

- Да, он нас отвез... Да, он нас привез назад... Да, высадил на остановке... Нет, в цирке с нами не сидел... Нет, он работал в это время, он уезжал.

И отцу становилось легче. А какая разница – был Олег на представлении или не был? Отчего бы ему не быть? Ему интересен цирк. А тебе не интересен даже возраст собственного отпрыска! Не говоря уж о том, что не знать такие факты наизусть – вообще странно...

Артем подскочил на месте, будто выпрыгивая из невидимого болота.

- Мама, ну что такое?!

- Я постоянно думаю о том, что у тебя должен быть родной отец...

- Мама, нет – я тебе говорю. Я тебе давно сказал, еще перед разводом.

- А если он исправится?

- Зачем думать, как бы нам понравилось жить с отцом, когда мы уже отлично живем с Олегом?! Ты теперь все решаешь без меня? Верни Олега, позвони ему или давай я позвоню...

- Видишь ли, как бы ни было тебе хорошо с ним и ему с тобой – живет он все-таки со мной, а я не знаю, хочет ли он теперь со мной жить...

- Уговоры, наверное, помогут...

- Не надо уговаривать... Я и сама не знаю точно, люблю ли Олега.

- Пусть лучше он нас любит, чем вы с отцом друг друга не любите. И вообще-то Олега есть за что любить.

- А если не получается, надо, по-твоему, закрыть на это глаза и продолжать использовать человека, неповинного в наших несчастьях?

Так говорила она, дорожившая своим опытом, на двадцать лет более выдержанным, чем опыт Артема, но 30 декабря к вечеру не выдержала и

рыдала от одиночества. Артем не знал, что ему делать. Загораживать мать от отца он привык, но защищать ее от самой себя не представлял как. Около пяти вечера во славу небесам Олег все-таки появился. Они были приглашены на какой-то корпоратив, но мама думала, что это уже не в силе.

- Собирайся, - сказал он кратко, продолжая стоять в куртке возле входной двери. И даже в этой неопределенной и нервной обстановке, отчего у него самого желваки ходили на скулах, он не смотрел сквозь Артема, а поинтересовался его успехами.

- Поставила все же! – покачал он головой по поводу черчения. – Я думал, не поставит.

В справедливости же сетований насчет физики несколько усомнился:

- А за лабораторные работы что стоит?

- Тройка, - мрачно сказал Артем.

- Вот видишь, еще один блок работ так себе...

- Получается 5 / 3 / 3. И следует поставить «3», словно и не было пятерки?

- Может быть, выходила спорная оценка, и учитель сделал крен в сторону практики...

- Там не о чем спорить, дядя Олег. Там получается три целых шесть десятых.

- Тогда она посчитала, что слабая четверка тебе не нужна. 3,6 – это же претензия на жалость...

- Вот и пожалела бы... - подвел черту Артем, о которую он и спотыкался, вставая по утрам с левой ноги.

Наряженная Селена появилась в коридоре; речь пошла о транспорте, из чего Артем уяснил, что Олег оставил машину, так как собирается выпить на празднике.

«Ну ничего, расслабятся и помирятся».

- Вернемся поздно, - сказал Олег на прощание.

Мама обычно задерживается, когда обещает, что идет ненадолго. Что в этом контексте имеет в виду дядя Олег – пока непонятно. Впрочем, неважно – лишь бы шли и возвращались вместе.

Они ушли и ... не вернулись! В смысле, - в этот день. Плохих мыслей у Артема не было, он так и понял, что они помирились. И хотя он ни разу не оставался один дома – когда есть ради чего, пожалуй, можно. Звонил Трою и болтал с ним до тех пор, пока Влада Андреевна не отправила сына спать; потом съел две чашки сметаны вместо ужина, достал стопку своих «Мурзилки» и перелистал все журналы. Проснулся неожиданно – в неразобранной постели в мягких игрушках, в мятых штанах и рубашке – от света фар, бьющего в глаза, и требовательного звонка во входную дверь. Из подъезда появился обеспокоенный Олег:

- Тёмка, прости – испереживался? Даже и не ложился?

- И ничего страшного, - милостиво заверил его Артем. – Вы вернулись, действительно, так поздно, что уже и рано. А ехать ко мне в шесть утра – еще больший подвиг, чем где-нибудь в три ночи. Вы сами-то спали?

- Поедем скорее ко мне к Новому году готовиться, - торопливо продолжал Олег, тоном своим не переставая извиняться...

Маму они застали еще в постели; она смотрела по миниатюрному телевизору видео с фильмом «Чужие» режиссера Ридли Скотта.

- Сыночек-солнышко, - говорила она, - я забыла обо всем на свете. Я так привыкла, что прабабушка всегда была с тобой...

- Ничего, мам, - ободряюще кивнул он ей. – Главное, чтобы ты не думала, будто я должен быть дома с ... отцом!

Какие же у нее счастливые глаза!

Даже говорит еще сонно, не взволнованно, словно уверена была, что в ее счастье ничего дурного с ним не случится. Ведь всю его жизнь она ощущала себя как в животном мире – самкой, львицей, охраняющей детеныша, - и, может быть, впервые за долгое время осознала саму себя защищенной. Он даже слегка покраснел, выходя из чужой спальни, ставшей такой желанной для его матери...

Через несколько часов, когда Селена и старшие хозяева собирали на стол, а Алексей Евгеньевич копался в видеодвойке, взлохмаченный, взмокший Артем лежал на Олеговом диване с живым черным котиком под мышкой и стонал:

- Дядя Олег, меня тошнит... Я съел четыре дольки шоколада...

- Дольки? – переспросил Олег Евгеньевич, появляясь на пороге с бокалами в руках. – За раз можно целую плитку съесть. И не одну!

- Тогда от грязи... - Артем вечно побаивался какой-то пыли внутри организма.

- Обычно тошнит не от грязи, а от недоброкачественной пищи...

- Значит, я слишком набегался после еды...

- Тогда полежи... Ты, кстати, уже лежишь! И объясни ты мне, - бокалы явно вытягивали Олега из комнаты, - как может тошнить от такой прекрасной жизни?! <...>

... Никита опять изображал женщину: надел рыжий парик, лиловое платье; подложил в область грудной клетки, что следовало – и в таком виде появился в коридоре. Из рекреации доносился детский хор – ряженому выписывали женский приз в виде разнополых оваций. Обожаемый девчонками и поддерживаемый друзьями, Никита являлся в итоге лучшим мальчиком 5 класса. Не обязательно идеальный парень и первый ученик являются характеристиками одного лица – и Скоробогатов не был разносторонне знаменит: из олимпиад вылетал или даже не ходил на них совсем, результаты контрольных его занимали свое место в последней пятерке, где были достойно отстающие, то есть нормальные люди. Существовала вероятность, что в менее гениальной школе они успевали бы лучше. Подобная слава не миновала в свое время и Восторка Христофоровича: в сильную подгруппу по английскому языку он всегда проходил по баллам предпоследним. Гениальных же по списку в «Умке» значилось много – почти все девочки и даже всякий второй юноша; каждый из них уникален в чем-то своем: можно было полюбоваться на знающих и просто усердных, на изобретательных и весьма памятливых, были математики истинные и, как выражалась Нина Иосифовна, «сделанные». Было огромное количество лириков среди учеников

мужского пола, встречались физики среди малолетних; особую ценность представлял вклад красиво пишущих и стенографистов.

Почерк Никиты был лучшим среди его товарищей, и на фоне иероглифических писем Саввина и Кожевникова под его аккуратной работой не всегда поворачивалась рука ставить усредненные отметки. Никита любил говорить прозой. Исключительно прозой, поскольку декламация стихов, то ли в связи с самой стихотворностью, или же из-за бессилия в разучивании – представляла в его исполнении адскую муку для него и окружающих. Так вот, говорил Никита неразученными экспромтами на различные научные темы. Говорил целыми уроками и распинался так, что хотелось его слушать, даже если не всегда детские догадки были верны – однако псевдологика, принимаемая им за истинную, в рассуждениях присутствовала, что очень бодрило его самого, а воспитателям внушало надежду, что может выйти толк из совместных с ним занятий.

Один из подобных оптимистов сидел за учительским столом и на глаз выставлял оценки за ведение тетрадей. В задней части класса напротив него шесть девочек отплясывали на ковре. Во главе фигуральной пирамиды красовалась Лиана Левенец – дитя мелкое, изящное, идеально красивое; насчитавшее десять годов с 1 мая, в то время как остальные перевалили одиннадцатилетний рубеж. Чрезвычайная молодость ее служила внешним признаком гениальности, которая, вероятно, таилась в ней, поскольку особыми достижениями ее не преследовала. Вдобавок к этому Лиана сильно начала портиться по характеру.

Звуки ритма выбрасывались потоками из колонок музыкального центра. Девчонки стреляли глазами в окружающую область, в центре которой находился препод, как мишень. Так и проходили перемены – с Никитиными ужимками и Лианиными размахами...

Работа в общем не напрягала, – как любят говорить здравомыслящие юноши, пока перевариваемые ранее проблемы не навалят все разом и не окажется, что нет ни удовлетворения, ни денег. Пока всего хватало, и многих даже удивляла эта чрезмерность личной жизни, в рамках которой он добровольно становился предметом первой, нервной и издерганной, влюбленности учениц средней школы; объектом навязчивой критики и тайных мыслей со стороны студенток; третьим в ряду отца и брата для малолетних и, наконец, фамильярствующим духовником для старшеклассников. Все это,

впрочем, проходило на фоне общественности, как и у всех людей, проживающих дома наедине с мебелировкой. И было ли что-то личное в его голове – оставалось за кадром; поводов к подобным пересудам он не давал, в метро не целовался, а считать его убежденным холостяком было рано.

- Не получается у вас одновременно делать два дела, - твердил он Дедковскому и Дороганову, принимая от них справки из баскетбольной секции. – Фамилии ваши вечно на слуху, а в лицо вас стали забывать.

- Мы не успеваем, - достойно говорил Кирилл, без нытья. – Поймите. Никто не понимает...

- Что делу время – понимают все. Только я ведь не спортсмен и из солидарности вам не подброшу запасной дипломчик.

- А в знак уважения к инакомыслящему? – вставил Дастан.

- Я уважаю людей, которые либо со всем справляются... (А когда авторитет уже заработан, он начинает работать на вас!) Либо тех, которые умеют решать свои трудности. А вы ни к тем, ни к этим. Существуют ведь спортивные школы для целеустремленных в спорте людей... Что такое ваш спорт, я не понял – то ли призвание, то ли хобби, то ли протест колледжу, в который можно было и не поступать... Нервы ведь и сюда идут, а в итоге и здесь вы почти не появляетесь, и там меньше вклада – и везде впросак.

- А как же стремление к разносторонности? – настаивал Кирилл. – Говорят же: «Было бы желание...» У вас, например, получается делать два дела.

- Одно из них уже на дело-то не похоже... Вышло прямо по мечте: стану я учителем и перестану делать уроки... А ради этого пришлось учиться 15 лет. Ты еще не живешь столько, сколько я учился. Я еще заодно и учиться научился! Забываю теперь целые тексты в себя с первого раза, как в машину.

- А получается, что вы просто разрываете день между двумя заведениями. Это исключительно дело графика. А как насчет совсем разных занятий? – Дедковский реально уверен, что быть в списке поступивших – уже процесс в динамике.

- У меня хотя бы одно из другого вытекает, а у вас – только мешает сосредоточиться. Если ваша проблема, действительно, только во времени – то

не следовало привязываться к учебным графикам и зависеть от других людей. Вы будете проявлять чудо света в совмещении своих занятий – а вас отчислят с первой сессии... В ваши годы полезно иметь вектор – к какой-то содержательной цели. Быть круче всех – разве цель? А уж пытаться реализовать ради этого с десятков приписанных себе профессий – и вовсе накладно!

- В одно врубиться – это же нажать безумство, говорить об одном и том же, умереть от неудовлетворенности в бесконечной череде потребностей. А остальные кончатся рядом с тобой от скуки.

- Не знаю, - честно признался Восторк. – Может, это стереотип? Я всю жизнь ничем кроме образования не занимался – а потом все восполнилось: и шмотки, и выпендрейж, и вечеринки, и тренажерка, и природа – без побочных эффектов...

Возразить здесь было нечего. Пресловутая Восторкова раскрученность бередила раны всем...

Сидели на контрольной работе Звенец и Оддин и с тоскою подписывали «Леня» и «Дима» соответственно – в скобочках после своих общепризнанных в миру имен, одна только заглавная буква которых раздражала преподавателей и сбивала с толку администрацию.

- Почему Восторк Христофорович может свободно и повсеместно пользоваться своим прозвищем, а мы нет? – досадовал Звенец Самарко.

- А может оно и не прозвище, если с отчеством употребляется? – сомневался Оддин.

- Да уж хотел бы я иметь такое имя!! Но только «Восторг» - это вовсе не имя...

- Там на конце буква «К».

- Дела не меняет. Ведь очевидна ассоциация.

На следующем этапе молодые люди подступили непосредственно к классному руководителю:

- Восторк Христофорович, - обратился Самарко. – А позвольте узнать ваше настоящее имя.

Оддин промолчал, он больше практиковал обращение на «ты», но при посторонних этого не афишировал. Преподаватель невозмутимо подал паспорт – решительно во всем отличался он от других наставников.

- Чмейрков Восторк Христофорович, - прочитали ученики, едва не протерши глаза; впрочем, они были самодостаточными реалистами, чтобы вдруг не поверить глазам своим.

- А прозвище тогда у вас какое? – убитым голосом молвил Звенец.

- Немеркнувший, - представился Восторк.

... А в третьем часу дня в развивающей школе на учительском диване сидел Никита Скоробогатов и с выражением декламировал стихотворение по книжке. Из самого успешного ученика он обратился теперь просто в самого красивого, переделся в обычную яркую толстовку с капюшоном и крупными белыми нашивками из области спортивной тематики, ерошил темную шевелюру коричневыми от несошедшего загара пальцами.

- И по слогам не можешь? – спросил Восторк Христофорович от шкафа, стоя спиной.

- Они какие-то сложные, - промычал Никита уже без всякого выражения.

- Нормальные слова. Ты их в устной речи тысячи раз произносил.

Никита совсем низко опустил голову, почти уткнувшись в книгу:

- А по порядку я их выучить никак не могу. Я, наверное, совсем неспособный.

- Мяч бросать проще?

- Не совсем легко, но если постоянно тренироваться, то получается все лучше...

- Со стихами так же, разве нет?

- Да, я стараюсь, но постоянно думаю, что я на баскетбол опаздываю. Я и так сейчас стараюсь больше, чем в начальной школе, только потому что вы... Я и задерживаюсь теперь из-за вас...

Восторк воздел руки и рухнул рядом с Никитой на диван:

- Этого только не хватало! Скорее уж я задерживаюсь ради тебя.

И почему, действительно, надо мучить его литературой, а самому мучиться над ним – оценить бы кругом по полям да и отпустить с документами, не оставить, так сказать, свободы выбора... Классная дама этого несчастного между тем продолжает сидеть с блаженным выражением лица, наигрывая на гитаре.

- Не могу я так учить, - ярится Немеркнуший, от которого идет пар. – Следуют уроки своим чередом, надо задавать на дом, а при проверке только и слышишь: одни этюд в художественную школу заканчивали, другие после тренировки упали, третьи всей семьей в гости ездили и вернулись после полуночи... Занятые пуще меня в одиннадцать-то лет! Родственники, видно, опасаются, что скоро апокалипсис, и дети не успеют нажиться, а у меня от них конец света наступает немедленно...

- Дражайший Восторк Христофорович, - размеренно говорит Нина Иосифовна. – Это не ваши дети. Каждый родитель все равно сделает со своим ребенком, что захочет...

.....
..... Всю зиму Селена Станиславовна пыталась жить то с бывшим мужем, то с Олегом. Еще над гробом прабабушки сошлись они в открытую, почти составив известную геометрическую фигуру.

- Вот он, красавец, - проговорила она стоящему рядом молодому человеку (лишь Артем, погрязший в своих годах, думал, что дяде больше сорока, на самом деле было двадцать девять...), в упор глядя на Христофора Леонидовича, который подошел доброжелательно, протянул сопернику открытую ладонь:

- Извини, Олег...

Руку его Олег пожал, а на слова слегка поморщился – и все же что-то согласное извинить в этом мимическом жесте проскользнуло.

«По-моему, маме плохо, - думал Артем с тоской. – Они же спят практически на одних простынях, еще теплых друг после друга...»

Будь Селена не самой собой – в этой нынешней жизни, больше похожей на гонку, она стала бы упускать сына из поля зрения, но в отношении этого

вопроса у нее была верная позиция: мужчины приходят и уходят, а Артем всегда остается. И вот, оказавшись в таком выгодном и стабильном положении в отличие от остальных сожителей, мятущихся и пылающих страстными надеждами на стабильность, пацан чувствовал сплошь одну депрессию. Он был склонен поддерживать мать в любых случаях, даже смиряясь порой с противоречащими своему разумению обстоятельствами, когда Селена вдруг резко возносилась над их равноправными отношениями, не оставляла пространства для диалога – и вообще могла запереться, не спрашивать ничего и не отвечать ни на что. Вследствие этого принимались какие-то решения, о которых сын узнавал последним, в пересказе. Ситуация складывалась обидная, особенно на фоне других ситуаций – доверительных и простых. В итоге все стремилось к единовременному проживанию и забыванию – и переносилось легче этой насыщенной атмосферы душевной непредсказуемости, порожденной слабостью и еще раз слабостью. Поддерживать колебания маятника в семье было бы неверным, принимать конкретные решения за взрослых Артем не мог, а призывать мать к самоопределению – значило уподобиться всем ее мужчинам – и на почве этого он не был бы услышан. Постепенно он утерял смысл своей надобности Селене и перестал представлять себе помощь как таковую – пока вдруг не начал помогать другим людям.

Прыгали на уроке физкультуры девчонки. Через перекладину, протянутую промеж двух стоек. Прыгали и валились по другую сторону от препятствия на маты. Звенела об пол временами и сама перекладина, но в перспективе уверенно продвигалась по пазам на столбиках все выше. Тренировка продолжалась по пятому и десятому кругу. Взвилась в воздух ловкая и грациозная Елена Крепс, оказавшись с разбегу совсем близко к краю конструкции. При перелете слегка коснулась стойки лбом... Этот момент он случайно застал взглядом. Из другого конца зала среди мелькающих фигур мальчишек в пылу игры, к девчатам отношения не имеющей, трудно было представить, что там было железо, скорость, сила трения. Была секунда, когда показалось, будто не вовремя, неловко она взмахнула головой – и вот уже летит дальше... Он вздрогнул и проводил ее глазами. «Рухнула она» - лишь слова; даже падение выходило у нее красиво, трогательно. Умудрилась с размаху удобно сесть, согнуть одну ногу в колене – как любят фотографироваться девушки на горизонтальных поверхностях – вот только рук от лица не отняла...

Привлеченные толпою одноклассниц, мальчишки сомкнули вокруг места происшествия второе кольцо. Он подошел последним, растолкал народ – предстали взору ее рыдания, капли крови, вяло сочившиеся сквозь пальцы. Стояли все очарованные этим зрелищем, сбитые с толку – не ожидали они, что рядом с ними, в замкнутом вокруг них пространстве, может произойти нечто, настолько вон выходящее из их рядов. Даже физрук застыл – боялся подойти к хрупкой девчужке, словно преклонился перед ее болью и не смел мешать тихому, достойному и справедливому оплакиванию. Артем ступил на маты и поднял Лену за локти, руки ее оторвались от раны – и увидел он ее покрасневшие, мокрые глаза, с видом которых пришло к нему осознание, как можно исподволь легко и быстро, нехитрыми операциями облегчить чужую физическую боль, чего не повторить взломом и прижиганием даже родственной страдавшей души.

Если бы Артем оказался на месте пострадавшей, он бы густо обмотался бинтами и красовался бы так до конца недели. Лена же вела себя очень странно: явилась на следующее утро с еле заметным зеленочным швом под срочно выстриженной челкой...

Они стали созваниваться. Она и раньше время от времени налаживала контакты, поскольку он после нового года внезапно преуспел в физике и после отъезда Троя остался лучшим учеником класса. Артем сам принялся теперь поддерживать Лену, сам набирал ее номер субботними вечерами. Только успевал произнести «Алло» - и старшая сестра всякий раз восклицала:

- Лену?!

И Лена всегда оказывалась совсем близко – сразу перехватывала трубку, наверное, с другой стороны от аппарата. Складывалось впечатление, что она ждет этих звонков. О чем таком содержательном они беседовали, сложно было потом вспомнить, но часы за разговорами уходили незаметно.

- Какой же ты, оказывается, пустой болтун! – поражался Олег. – Кто бы мог подумать!

Ласкал слух ее голос в трубке, предназначенный ему одному, такой расслабленный и домашний; навевались представления о том, в какой она сейчас может быть одежде – явно не в школьной форме. Он даже так напрямую и спрашивал, в чем она есть.

Он еще больше привязался к ней, когда однажды, уже засыпая у телефона, она сказала томным, интимным-преинтимным голосом:

- Тема, давай завтра поговорим...

- Давай, - тихо и проникновенно согласился он, будто предложила она что-то необычное и чрезвычайно важное.

А закончилось все по принципу: и с Леной хорошо, и без Лены неплохо. Появилось в марте на доске школьных объявлений такое приватное сообщение: «Позвони кончите Лене». Соответствующий номер телефона прилагался. Елена подошла сразу же, едва выбравшись из массы толпившихся и хихикающих.

- Это сделал ты! – выпалила она.

- Нет, - ответил он лучшее из того, что умел произносить с завидной дикцией.

- Ты врешь, ты мне больше не друг, - ей неприятен один скандал, а она уже затевает другой.

- Если ты не веришь, то именно ты мне и не друг, - никогда в жизни он не истерил в школе и не обменивался с товарищами визгами. И выяснение отношений с ним было излишним – кроме короткой правды ничего нельзя было добиться.

Елена убежала с урока музыки и, окружившись Анькой и Олеской, плакала злыми слезами в лестничном пролете между двумя этажами. Он прохаживался на перемене мимо – с равнодушным видом и равнодушным сердцем. Может быть, любовь выдержала бы что-то подобное, но симпатия держится на том, что нравится, и если оно больше не нравится – не о чем и сожалеть. Даже хочется от лишнего побыстрее избавиться, хоть и не принято сор выносить из избы.

- Что это Ленка взбрындила? – удивлялась Селена Станиславовна. – Ты никогда с таким удовольствием не разговаривал с девочками по телефону.

- Не болтал и еще столько же болтать не буду, - отмахивался сын, хоть и не беспечно, но отстраненно.

- А почему бы тебе самому не найти зачинщика? И ее бы защитил, и себя оправдал.

- Может, так бы и поступил, если бы она не поторопилась сама себе найти виноватого в моем лице. Если такая инициативная и самостоятельная – пусть и разбирается на здоровье.

И кто это, действительно, мог распространять о Ленке позорные записки? Хоть Артем никогда и не строил иллюзий, будто она общается с ним одним, но... ничего себе приятели! Очень кстати вспомнил он о том, что не умеет копаться в чужих душах и разбираться в чужих отношениях <...>

... Светилась в темноте тусклое окошко компьютера; от контраста слегка резало глаза. Голова заполнялась фразами и мыслями, в безлюдном доме чувствовалось присутствие чьих-то душ – он сам был достаточно чуток и впечатлителен, чтобы вытягивать их духовность как эссенцию с дальних расстояний.

- Ты знаешь, что я делаю? – звучал Артем в обоих ушах сразу; с правой стороны слова его входили в сознание и вязли в нем, не вылетая из левого уха на ветер. – Слушаю испанскую гитару и плачу...

- В буквальном смысле? – уточнил Восторк.

- Да, - горько подтвердили в телефонной трубке. – Текут слезы...

- И есть повод?

- Сегодня перед рассветом состоялась самотерапия. Первая серия. Весь день после этого кувырком: и физически мало что прибавилось, и морально тяжело...

«Itak, ya ne ponimayu, po4emu moi pisma do tebya ne dohodyat. Tvoih toje 4to-to ne vidno. Veroyatno, ih i net sovsem...» - набирает нарочито латиницей, чтоб не било упреками по глазам, чтоб не напрямик, не по-русски было сказано. Мягкостью такой закутывает до беспомощности, теперь не оправдаешься, почему у одного плохое настроение, в то время как у другого хорошее.

- Тебя это унижает? – перебивает Восторк свои мысли.

- Я думал, первый раз будет с девушкой...

- И будет первый. И с каждой очередной девушкой будет так внове, как впервой...

- С чего вдруг меня так прорвет? Я же не скачу из крайности в крайность, всегда выбираюсь потихоньку...

Жили и другие так же потихоньку – как вдруг прорвало интернет. Нашелся и тут повод.

«Почему ты молчишь сейчас? Я же вижу: ты он-лайн...»

- О чем задумался? – обгоняет Артем плывущие строки.

- Так... , о тебе!

- Что ты обо мне думаешь, я и так знаю, лучше скажи, что ты думаешь об этих новых обстоятельствах... - и пока он это говорит, глаза предательски скашиваются к полю сообщения.

«Почему когда молчу я, ты мне даже не выговариваешь, а когда я заговорю – обижаешься еще больше и молчишь специально?»

- Ты еще с кем-то разговариваешь? – бедная его голова похожа на многоканальный приемник.

- Только с тобой, честное слово, - спасение его, конечно, в спокойствии.

- Я теперь, понимаешь, не знаю, как жить и работать. Меня же, правда, как прорвало... Открываю словарь и первое, что вижу: abed - в постели...

- Если ты по-английски произнесешь «мирный граф» и «мы рисуем голубую воду» - получится вообще матерщина. Кстати, обед в постели – нормальный акт самоудовлетворения, сам не раз пробовал!

- Он еще шутит! Ты хоть чувствуешь то, что я? Как ты с этим справляешься?! – вопреки заявленной расфонтанировавшейся физиологии выливались из Артема риторика и лирика – вероятно, продукт сублимации, заранее размягченный в надежде приткнуться к каменной Восторковой скале.

- Не знаю, что чувствую. Я проблемы не вижу, - произнесены стопроцентно трезвые слова, но что-то в интонациях голоса сдвинулось, вздрогнуло, поколебалось...

«Или тебе есть, что скрывать? Или ты скрываешь, что тебе есть, что скрывать?»

«Не обижаюсь, не молчу и не скрываю. Что тебе удалось? У меня повода нет так же, как и у тебя. Писать надо о конкретных вещах: когда, например...» - отвечает наконец Восторк письменно.

«А я не знаю когда... Поэтому и пишу...»

«Зачем сообщать то, что и по умолчанию известно?»

- Ты вот сейчас где сидишь? В какой части дома?

- На лестнице с ноутбуком.

- На экране, наверняка, мелькают ролики о неискренней любви, поэтому ты не понимаешь, что я говорю серьезно.

- Просто ты сейчас тоже не видишь моей проблемы. Мелькающей на экране...

- Кстати, хороший психологический способ занять ноющего. Втяни его в ответное обсуждение твоих проблем. Ну и как – что или кто?

- И ты даже знаешь, кто именно.

- Ага! Товарищ с зеленым глазом проснулся внезапно, как вулкан! – голос Артема прозвучал привычно шутливо и бодро.

Восторк же начал говорить все горше и горше:

- Вот как случится иной раз что-нибудь, не поймешь зачем и не знаешь, как реагировать. Вроде чего-то подобного ждали, но в такой форме преподносится – что ни два, ни полтора. Не порадуешься, что оно было, и не имеешь права досадовать, словно этого вовсе и не было.

- А ты думаешь, как я дошел до истории с самим собой? Потому что другие обычно ничего не дают, а если и дают, то лучше бы уж не давали!

Не выключая интернета, не выходя из системы, Немеркнувший захлопнул крышку компьютера, опасаясь спроецироваться на экран и увидеть в отражении неинтересную себе свою печаль...

.....
.....